

НОВАЯ ВЕРСИЯ

Алексей Бабина

Наполеон III

Триумф
и трагедия

Новая версия (Этерна)

Алексей Бабина

Наполеон III. Триумф и трагедия

«Этерна»

2021

УДК 94
ББК 63.3(Фр.)

Бабина А. В.

Наполеон III. Триумф и трагедия / А. В. Бабина — «Этерна»,
2021 — (Новая версия (Этерна))

ISBN 978-5-480-00393-2

Наполеон III - это имя для подавляющего большинства ассоциируется с прозвищем «Наполеон Малый» и воспринимается как пародийная копия своего дяди - императора Наполеона I. Так ли это? Современная Италия и Румыния, туристическая Мекка - Париж, инженерное чудо - Суэцкий канал, межокеанские судоходные линии, манящие огни роскошных торговых центров, основы социального законодательства и многое другое - наследие эпохи правления Наполеона III. История часто несправедлива. По отношению к первому президенту Французской республики и последнему императору французов эта истина проявилась в полной мере. Данная книга - первая на русском языке подробная биография одной из самых интересных и влиятельных личностей мировой истории, деятельность которой несколько десятилетий определяла жизнь народов Европы и мира. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(Фр.)

ISBN 978-5-480-00393-2

© Бабина А. В., 2021
© Этерна, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	32
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алексей Васильевич Бабина

Наполеон III: Триумф и трагедия

Брату Андрею и моей семье посвящается

© А.В. Бабина, 2021

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2021

Пролог

В четверг, 2 января 1873 года, в одной из комнат первого этажа большого дома Кэмден-Плейс в районе Чизлхерст, который расположен недалеко от Лондона, собрался консилиум всемирно известных медиков. Присутствовали хирург Томпсон, доктора Гуль, Конно, Корвисар и анестезиолог Кловер. В ходе разговора они обменялись мнениями о состоянии пациента и возможности проведения операции дробления камня в его мочевом пузыре (литотрития). Операция представлялась сложной и рискованной, но шансы на успех оценивались довольно высоко.

Обо всем, что было связано с ходом дел в Кэмден-Плейс, врачи немедленно докладывали самой королеве Великобритании и Ирландии Виктории, а также членам королевской семьи и британского правительства. Статус больного накладывал особую ответственность на медиков, и они прекрасно это осознавали. Ведь пациент был не кто иной, как бывший император Франции – Наполеон III.

Четвертый месяц жуткие боли у бывшего императора не утихали, что доводило его до обморочного состояния. Проведенные обследования показали, что камень очень большой, размером с голубиное яйцо. Далее откладывать лечение уже не представлялось возможным. Решение о проведении литотритии было принято окончательно. Операцию провел Томпсон. Камень был частично раздроблен, а некоторые его фрагменты сразу же удалось извлечь из тела. Томпсон и его коллеги оценили проведенную операцию и состояние больного как удовлетворительное, о чем и проинформировали королеву Victорию.

Для того чтобы уменьшить физические страдания, Наполеону III регулярно вводили дозу хлорала (хлороформа). Он постоянно находился в полусонном состоянии и много спал. Врачи неизменно находились у постели больного, измеряли пульс и следили за общим самочувствием.

В понедельник, 6 января, Томпсон провел вторую операцию по дроблению камня и удалению множества образовавшихся фрагментов. Эта операция была признана также успешной, но медики согласились, что необходима еще одна операция. Принимая во внимание возраст пациента (шестьдесят четыре года) и общее состояние организма, было решено дать время для восстановления сил.

Несколько раз за эти дни Наполеон III приходил в сознание и пытался разговаривать с супругой, близкими и докторами. Каждое слово давалось с большим трудом, и часто ответы окружающих уже не могли пробиться через мутное от хлороформа сознание больного. Придя днем 8 января в очередной раз в сознание, бывший император прошептал склонившейся над ним жене, Евгении, сухими потрескавшимися губами:

– Где Лулу?

– Он в Вульвиче. Хочешь, чтобы я послала за ним?

– Нет, не беспокой его. Он на службе¹.

Вечером Наполеон III получил очередную дозу анестезии. К хлоралу добавили опиум. В течение всей ночи доктора попеременно через регулярные промежутки времени поднимались в комнату к больному и осматривали его. Утром Томпсон телеграммой сообщил королеве Виктории, что они «находили его сон здоровым и естественным, гораздо лучше, чем предыдущей ночью»².

В 9.45 Томпсон и Кловер осмотрели пациента и с удовлетворением отметили, что его пульс и общее состояние хорошее. Решили в полдень провести операцию с целью окончатель-

¹ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 407.

² Ibid. P. 407.

ного удаления камня. Через несколько минут Наполеон III пришел в сознание и, попытавшись повернуться к своему другу, доктору Конно, тихо прошептал: «А-а! Это ты, Конно? Правда, что мы не были трусами в Седане?»³. Это были последние слова, которые произнес бывший император французов.

В 10.35 доктор Томпсон, кого срочно позвали в комнату больного, нашел, что состояние Наполеона III начало резко меняться в худшую сторону. Позже он вкратце выразил это в своей телеграмме королеве Виктории: «Появились симптомы замирания – сердечная активность стремительно упала, и он умер в 10.45»⁴.

В это время Евгения собралась поехать в Вульвич за сыном. Уже на улице ее попросили остаться и не уезжать ввиду ухудшения состояния мужа. За Наполеоном Эженом отправился один из секретарей императора. Обеспокоенная Евгения быстро вошла в дом, прошла по длинному коридору и, снимая шляпку, поднялась по лестнице наверх. В этот момент неожиданно отворилась дверь комнаты Наполеона, и доктор Корвисар позвал: «Отец Годдард! Отец Годдард!» С колотящимся сердцем Евгения вбежала в комнату и бросилась к кровати. «*Voilà l'Impératrice, Sire!*» – сказал кто-то и, склонившись к кровати, поцеловал руку больному. «Он тяжело дышал, и казалось, что не видит меня, – позже писала Евгения королеве Виктории, – его губы шевелились, словно в поцелуе»⁵. Присев на кровать, она зашептала: «Лулу скоро будет». Показалось, что его лицо чуть просветлело.

Пришел отец Годдард и, осторожно отодвинув ее, начал последнее причастие. Одновременно с первыми словами священнослужителя доктора сказали Евгении, что император умирает. Она не могла поверить. Вернувшись к кровати, она упала на колени и стала молиться. Через несколько минут Наполеон III тихо ушел в мир иной. Евгения вскрикнула и упала в обморок. Присутствовавшие помогли отнести ее в соседнее помещение.

Во дворе послышался звук экипажа. Конно и Корвисар поспешили к выходу. Увидев их, Принц империи понял, что случилось самое страшное и он опоздал. Юноша стремглав бросился по коридору и, спотыкаясь на лестнице, устремился наверх. У дверей комнаты отца стояла мать. Она обняла его и сквозь слезы промолвила: «Кроме тебя, у меня больше ничего не осталось»⁶. Наполеон Эжен вошел в комнату, опустился на колени у кровати и громким голосом произнес молитву *Pater noster*.

Новость о смерти Наполеона III стремительно разнеслась по Европе и всему миру. Царствующие дома Австро-Венгрии, Великобритании и Италии объявили траур и приспустили флаги. Соболезнования поступили от глав десятка государств. Британские власти запустили специальные составы из Лондона в Чизлхерст для тех, кто хотел попрощаться с бывшим императором. Множество судов из Франции и других европейских стран направились через Ла-Манш, чтобы доставить своих пассажиров в Англию. Они также стремились попасть к императору.

15 января 1873 года в церкви Святой Марии состоялись похороны Наполеона III, на которых присутствовало несколько десятков тысяч человек, в том числе члены королевских фамилий, бывшие и действующие государственные деятели, политики, военные, деловые люди. Со словами скорби прибыли послы практически всех европейских государств. Не было только французского посла... и соболезнований из Франции...

Так завершился земной путь первого президента Французской республики, последнего императора французов и просто человека, кто многие годы олицетворял собой великую дер-

³ Louis Girard. *Napoléon III. Fayard. 1986. P. 501.* См. также: Eric Anceau. *Napoléon III. Editions Tallandier. Paris, 2012. P. 555;* Pierre Milza. *Napoléon III. Perrin. Paris, 2007. P. 737.*

⁴ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 408.*

⁵ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 408.*

⁶ Там же. P. 409.

жаву. Государственного деятеля, которого большинство жителей Европы еще несколько лет назад считали самым могущественным на планете. Даже по меркам XIX века он был личностью удивительной судьбы, его жизненный путь отмечен невероятными падениями и не менее яркими и умопомрачительными взлетами. Еще при жизни Наполеон III удостоился самых разных эпитетов и вызывал прямо противоположные точки зрения.

Член Французской академии, журналист и писатель Максим Дюкан говорил, что и «во времена, когда Наполеон III правил, и с тех пор, как он умер, я слышал самые различные мнения о нем, в зависимости от взглядов говорящих: он идиот – он замечательный человек; он не отличает свою левую руку от правой – он почти гений; его амбиции пугают соседние народы – его мудрость успокаивает Европу; он теряет и позорит Францию – он делает нас первыми людьми в мире»⁷.

Профессор Сорбоннского университета Эрик Ансо, автор одной из последних книг о Наполеоне III, вышедших во Франции, утверждает, что император проявил себя «как человек бездействия и действия, романтичный и реалистичный, автократ и демократ, авторитарный и либеральный, реакционный и прогрессивный, сын церкви и революции, миротворец и военачальник, защитник народов и проповедник французского величия»⁸.

Разница между высказываниями Дюкана и Ансо в 120 лет, а как похожи оценки!

В биографии Наполеона III удивительным и парадоксальным образом в единый клубок сплелись правда и вымысел, факты и домыслы, высокое и низкое, белое и черное. Фигура этого человека настолько противоречива и в то же время цельна и возвышенна, что это вызывает изумление даже через много лет после его смерти. Удивляет даже то, что современная Франция, которая столь многим обязана этому человеку, так до сих пор и не приняла его останки, и они продолжают *покоиться в другом государстве*.

Прошедшее время не стерло грани, не примирило разные взгляды, не выставило единой оценки и не подвело черту, может быть, потому что масштаб личности и его деяния не укладываются в общепринятые каноны, не вписываются в определенные схемы и входят в противоречие с историей, которую нам пытаются показать. Наполеона III хвалили и восхваляли при жизни, но после того, как он лишился власти, в глазах народа его превратили из государственного деятеля в бандита, тирана и заурядного политического клоуна. Новая власть Третьей французской республики, сменившая Вторую империю, сделала его ответственным за все беды и страдания, какие выпали на долю страны во второй половине XIX века. Республика, установившаяся в трагические дни начала сентября 1870 года в Париже, не признавала каких-либо заслуг Наполеона III и делала все, чтобы противопоставить свои успехи и достижения «позорным дням старого режима». Хотя даже такой простой факт, как быстрое экономическое возрождение государства после катастрофы Франко-прусской войны 1870–1871 годов, не могло бы произойти, если бы страна не имела соответствующей основы, заложенной еще во время империи.

Более того, на сугубо негативном отношении к фигуре Наполеона III чудесным образом сошлись власти республики и часть французской и европейской интеллектуальной элиты. Например, уничижительно-беспощадная критика по отношению к бывшему императору непрерывным потоком неслась со стороны Карла Маркса и его сторонников, революционеров, социалистов, а великий французский поэт и писатель Виктор Гюго называл Наполеона III не иначе как «Наполеоном Малым», преступником, узурпатором, рецидивистом, убийцей и так далее. Такое отношение к бывшему суверену успешно пережило время и своих создателей. Для многих личность Наполеона III продолжает оставаться со знаком минус по определению. Но сколько в этом действительно истины?

⁷ Eric Anceau. *Napoléon III. Editions Tallandier. Paris, 2012. P. 15.*

⁸ Там же.

В 1895 году всемирно известный писатель Эмиль Золя, кто много лет был одним из убежденных критиков Наполеона III и Второй империи, неожиданно сказал следующее: «В 20 лет, в эпоху рассвета империи, я считал племянника великого Наполеона бандитом, “ночным грабителем”, который, согласно известному выражению, зажег свой фонарь от солнца Аустерлица. Я вырос под влиянием Виктора Гюго. Его *“Наполеон Малый”* был для меня исторической книгой, в которой излагалась абсолютная истина... но с тех пор я изменил свое мнение о нем. Наполеон III, представленный в поэме *“Возмездие”*, – это чудовище, порожденное исключительно воображением Виктора Гюго. В действительности нет ничего менее похожего на оригинал, чем нарисованный портрет...»⁹

История часто несправедлива. Почему, например, Наполеон I, проиграв в июне 1815 года сражение при Ватерлоо, стал легендой, а Наполеон III, потерпев в сентябре 1870 года поражение в Седане, превратился в вечно изгой? Почему современный Париж, которым так гордятся его жители и восхищаются миллионы туристов, считается достоянием Франции, а человек, кто смог сотворить это архитектурное чудо, так и не нашел упокоения на родине? Почему Суэцкий канал является одним из ярчайших технических достижений цивилизации, а главнейший вдохновитель и проводник этого проекта часто даже не упоминается?

Пренебрежение к истории всегда таило в себе опасность получить проблемы в будущем, поэтому имеет смысл, двигаясь вперед, озаботиться тем, чтобы свет из прошлого горел ярко и чисто. Именно он может поддержать нас, не дать оступиться и осветить дорогу в будущее.

Европа переживала разные эпохи в своей истории. Были моменты, когда она погружалась в мрачные времена, и свет цивилизации потухал, а были периоды, когда она неумолимо стремилась к прогрессу, освещая путь не только себе, но и другим континентам. Середина XIX века, бесспорно, относится к одному из важнейших этапов ее жизни, когда технический, социальный, культурный и политический прогресс заложил основу жизни современной Европы и мира.

Наполеон III – одна из ключевых фигур столетия и непосредственный участник эволюции не только Франции, но и всей европейской цивилизации. Жизнь народов в этот период была неразрывно связана с этой личностью. Понимание этого должно стать побудительным мотивом для объективной оценки главы французского государства середины позапрошлого века. В этой связи необходимо очистить историю от ярлыков и клеветы, показать его именно таким, каким он был, со всеми триумфами и трагедиями, достижениями и преступлениями, не приукрашивая, но и не замазывая исключительно в черные тона.

В мировой исторической литературе накоплен большой массив работ, посвященных Наполеону III и его времени. В той же Франции только за последние несколько десятилетий появились с десяток превосходных работ на эту тему. В них бывший император предстает умным и неординарным правителем, который сделал чрезвычайно много полезного для родины и Европы. Историческая наука возвращает свои долги, и общественное мнение во Франции в конечном итоге также поменяет свои воззрения и отдаст должное великому соплеменнику.

Однако представляется, что заниматься анализом вышеуказанных исторических работ не имеет сейчас особого смысла, поскольку сама тема Наполеона III, истории Франции и континента середины XIX века – для широкой отечественной читательской аудитории, в определенном смысле, белое пятно. С учетом этого, автор книги не ставил своей целью дать всеобъемлющее описание жизненного пути Наполеона III или истории Второй империи. В некотором роде это попытка представить русскоязычному читателю более объемную и рельефную кар-

⁹ Philippe Séguin. *Louis Napoléon le Grand*. Bernard Grasset. Paris, 1990. P. 429–430. См. также Raphaël Dargent. *Napoléon III. L'Empereur du Peuple*. Grancher. Paris, 2009. P. 15, 16.

тину жизни *Личности* на фоне эпохи. О том, что в конечном итоге получилось из этого, судить читателю.

Не сомневаюсь, что в последующем и на русском языке появятся замечательные биографии Наполеона III как авторитетных зарубежных авторов, так и отечественных исследователей.

И последнее. Из первых строк мы уже знаем, что нашего героя волновало в **последнюю минуту жизни**. *Седан*. Географическое название, которое наряду с *Березиной* стало синонимом слова «трагедия» в истории Франции последних двух столетий, поэтому мы обязательно уделим этому городку особое внимание на страницах книги.

А теперь в путь. В Париж...

Глава 1

Наполеон Бонапарт. Родители

Париж прекрасен и очарователен в любое время года.

При этом особое удовольствие испытываешь, когда в раннее майское свежее утро, пока еще нет шумной и разношерстной толпы туристов, можно не спеша пройтись по его замечательным улицам и авеню, заглянуть в восхитительные парки и молча посидеть на скамейке, наслаждаясь видом зеленой сочной травы и молодой листвы на деревьях. Ласковый весенний ветерок и теплый солнечный свет, разливающийся по всем уголкам просыпающегося города, только дополняют ощущение комфорта, спокойствия и уюта. Это именно то, что остается с тобой на долгие, долгие годы.

Побродив вдоль набережной Сены, наслаждаешься игрой солнечного света на поверхности водной глади. По обоим берегам реки верхние этажи и крыши зданий словно вырезаны в прозрачной, кристально чистой синеве парижского неба. Если вы стоите на левом берегу, то взгляд непременно выхватит старый королевский дворец – музей Лувр на другой стороне реки.

Перейдя Сену по мосту, выходим на площадь Каррузель и, огибая ее со стороны сада Тюильри, продолжаем двигаться по направлению к улице Риволи. Пересекаем ее и выходим на стык авеню Опера и улицы Сен-Оноре.

Если идти дальше по авеню Опера в сторону виднеющегося вдалеке здания театра Опера Гарнье, то пройдем станцию метро *Pyramides* и подойдем к пересечению улиц Казановы и Пети-Шам. Здесь на несколько секунд сделаем остановку и направимся по улице Казановы. Буквально через сотню метров мы подойдем к пересечению еще с одной улицей – д'Антен, затем, повернув направо и сделав десяток шагов, увидим здание под номером 3, табличка на котором гласит, что здесь располагается отделение банковской группы *BNP Paribas*.

С этого дома, а точнее, с события, которое произошло в нем много лет назад, и начнем свой рассказ...

Вечером 19 вантоза IV года по республиканскому календарю (9 марта 1796 года) на втором этаже в меблированной гостиной, которая в те времена была залом бракосочетаний мэрии II округа Парижа, состоялось бракосочетание молодого, двадцатишестилетнего корсиканского генерала Наполеона Бонапарта и тридцатидвухлетней Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери (Жозефины), бывшей виконтессы де Богарне. Свидетелями этого события стали чиновник мэрии Леклерк (по другим сведениям – комиссар Директории Колен-Лакомб), член Директории Баррас, Тальен, Кальмеле и Лемаруа¹⁰.

Церемония была назначена на восемь часов вечера, но жених задержался на два с лишним часа. В начале марта 1796 года он был назначен командующим итальянской армией, поэтому забот у молодого генерала хватало. Через несколько дней предстояло выехать в расположение армии в Северную Италию. Наконец, Наполеон Бонапарт появился, и брачный договор был подписан. К этому дню семейство Наполеона Бонапарта подошло в большом составе, а именно: мать, Летиция Рамолино, семеро братьев и сестер – Жозеф, Люсьен, Элиза, Луи, Полина, Каролина и Жером.

Как уже говорилось, Жозефина была бывшей виконтессой, поскольку ранее была замужем за виконтом Александром де Богарне, от которого у нее было двое детей – пятнадцатилетний Эжен (Евгений) и двенадцатилетняя Гортензия. После пяти с лишним лет брака, в марте 1785 года, Жозефина и Александр разошлись. Впоследствии, в годы Великой французской революции, Богарне стал крупным политическим и военным деятелем, но во времена

¹⁰ Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 118.

якобинского террора в 1794 году попал в опалу и был гильотинирован. Жозефину политические страсти также не обошли стороной. Близость к Богарне повлияла на то, что в 1794 году она была арестована и приговорена к казни. Только благодаря перевороту 9 термидора II года по республиканскому календарю (27 июля 1794 года) и казни лидера якобинцев Робеспьера смертный приговор Жозефине был отменен, и она оказалась на свободе.

Точной даты, когда Наполеон Бонапарт и Жозефина познакомились, не сохранилось. Однако считается, что это произошло в прериале или мессидоре III года по республиканскому календарю (конец мая – середина июля 1795 года). Как полагают многие историки, первоначально странный военный, хилый и обтрепанный, весьма бедный и находящийся к тому же в резерве, не произвел впечатления на бывшую виконтессу. Однако молодой генерал сумел проявить себя в ходе подавления роялистского восстания осенью 1795 года в Париже, пользовался покровительством всесильного члена Директории Поля Барраса и весной следующего года был назначен командующим итальянской армией. Все это время отношения Наполеона Бонапарта и Жозефины развивались весьма активно, что в конечном итоге и привело к их бракосочетанию. Необходимо добавить, что этот брак Наполеона со старшей по возрасту женщиной с неоднозначной репутацией и к тому же с детьми был встречен членами семейства с негодованием.

Не сложились вначале отношения и у детей Жозефины и корсиканского генерала. Как повествует историк Андре Кастело, «21 января (1796 года. – *Прим. авт.*), во время обеда, данного в ознаменование третьей годовщины казни Людовика XVI, Гортензию посадили за столом между ее матерью и “каким-то генералом”, который, как впоследствии вспоминала будущая королева Голландии, “разговаривая со мной, все время придвигался поближе, да так неудержимо и настойчиво, что это мне досаждало и вынуждало меня отодвигаться. Я невольно обратила внимание на его лицо, красивое, весьма выразительное, но на редкость бледное. Речь у него была пламенная, но интересовался он явно лишь моей матерью. Это был генерал Бонапарт”»¹¹. Наблюдая такое внимание со стороны Бонапарта, Гортензия догадалась, что ее мать снова собирается замуж. «Мама уже не будет любить нас так, как прежде», – услышала она от брата, поделившись с ним своим выводом. «Когда генерал посетил мою мать, – продолжает Гортензия, – он заметил в нас холодок по отношению к нему. Он попытался рассеять его, но способом, который на меня не подействовал. Он злил меня, дурно отзываясь о женщинах, и чем горячее я их защищала, тем настойчивей он нападал на них». «Однажды, – вспоминала потом Жозефина, – Гортензия со слезами бросилась мне на шею, умоляя меня не выходить снова замуж». У Жозефины не хватило духа объявить дочери о своем замужестве, это взяла на себя госпожа Кампан, и Гортензия была «глубоко огорчена» известием¹².

Через два дня после бракосочетания Наполеон Бонапарт отбыл в Ниццу. С этого момента словно само Провидение вело судьбу корсиканца. Блестяще проведенная кампания в Италии в 1796–1797 годах сделала имя генерала широко известным в Европе. Доселе практически никому не известный во Франции военный начал пользоваться все большей популярностью. Громкие победы и богатые трофеи, независимость в суждениях и действиях, шаги, отличавшиеся нестандартностью и оригинальностью, находили большой отклик в издерганной революционным лихолетьем стране. Именно в Италии начала восходить звезда Наполеона. В декабре 1797 года Бонапарт купил дом на улице де ла Виктуар, вскоре переименованной в его честь. В 1798 году он предложил осуществить военную экспедицию в Египет, которую сам же и возглавил.

В то время, когда молодой генерал добывал победы и трофеи на полях сражений в Италии и Египте, ситуация во Франции значительно ухудшилась. Французские войска потерпели ряд чувствительных поражений в Европе, нарастала нестабильность, углублялся экономический

¹¹ Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 125.

¹² Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 125.

кризис, в провинции и крупнейших городах открыто выступали роялисты, якобинцы и другие противники Директории. Центральная власть утратила контроль над процессами в стране.

Но не только военными делами был озабочен Наполеон. Он приложил много усилий для продвижения и обустройства своего семейства и приумножения доходов. Британский историк Десмонд Сьюард пишет, что «Наполеон был обладателем самых несметных богатств. Он прибрал к рукам громадные миллионы, наживаясь на сокровищах Северной Италии, которые разместил на секретных счетах. По распоряжению Наполеона Жозеф приобрел для его супруги имение Мальмезон. Замок Шато, построенный на высоких берегах Сены у Буживаля, что к западу от Парижа, был полон очарования, а вдобавок ко всему там имелись домашняя ферма и замечательные сады, занимавшие около 20 гектаров»¹³. Всемерную заботу Наполеон проявлял и к детям Жозефины, что постепенно изменило их отношение к нему. Евгений, уже молодой лейтенант, служил под началом Наполеона во время египетской кампании, а Гортензия вместе с сестрой Наполеона, Каролиной Бонапарт, училась в одном из элитных заведений для юных французских дам – в школе Сен-Жермен, которую возглавляла госпожа Кампан, бывшая фрейлина королевы Марии Антуанетты.

Несмотря на разгром французского военного флота в начале августа 1798 года в Абукирском заливе и блокаду египетского побережья, организованные британским флотом, до командования французской армии в Египте доходили новости о плачевном состоянии дел во Франции. Это повлияло на решение Наполеона срочно вернуться во Францию – 16 октября он уже был в Париже.

На фоне общей депрессии, которая охватила все слои общества, появление целеустремленного генерала-победителя пробудило новые надежды. Везде, где появлялся Наполеон Бонапарт, его приветствовали восторженные толпы народа, а политики всех мастей спешили засвидетельствовать свое почтение. К этому времени ряд членов Директории, депутатов Совета пятисот и Совета старейшин, других известных людей составили план государственного переворота, возглавить который предложили Наполеону Бонапарту.

18 брюмера VIII года по республиканскому календарю (9 ноября 1799 года) переворот был успешно осуществлен, и вместо прежних органов власти было создано новое правительство – консульство, состоявшее из трех консулов: Сийес, Дюко и Бонапарт. С первых же дней консульства самую большую активность проявил Бонапарт. Вскоре он занял лидирующие позиции во всей системе власти. В кратчайшие сроки была подготовлена новая конституция (как говорил сам Бонапарт, «конституция должна быть краткой и темной»¹⁴). В соответствии с ней, основная исполнительная власть была сосредоточена в руках первого консула, которым к тому моменту он стал. По словам Жана Тюлара, «лишь первый консул, Бонапарт, обладал всей реальной полнотой власти: законодательной инициативой, правом назначения государственных советников, министров и должностных лиц, правом объявления войны и заключения мира. Права двух других консулов ограничивались совещательным голосом»¹⁵.

Конституция была обнародована 13 декабря 1799 года и одобрена народом (за – 3 011 007, против – 1562) на плебисците VIII года республики. Согласно основному закону, на десять лет консулами были назначены Бонапарт, Камбасерес и Лебрен.

С первых дней Бонапарт начал осуществлять энергичные шаги, направленные на укрепление и централизацию власти, создание эффективного государственного аппарата, проведение административной (во главе департаментов стали префекты и супрефекты, во главе коммун – мэры, назначаемые префектами) и судебной реформ, оздоровление финансов (учреждение Банка Франции, введение нового франка, налоговые реформы) и другие. Были при-

¹³ Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 84.

¹⁴ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 93.

няты меры по стимулированию хозяйственной жизни, росту промышленного производства, а также по осуществлению политики протекционизма в отношении национальных производителей и снижению иностранной конкуренции. Особое внимание уделялось подтверждению прав собственности на имущество (в том числе на земельные наделы), полученное в годы революции. Это способствовало широкой поддержке установившейся власти крестьянством и буржуазией.

Кроме того, была смягчена политика в отношении церкви и ее имущества. После длительных переговоров с Ватиканом 15 июля 1801 года был подписан конкордат с папой. Католическая религия вновь признавалась религией «большинства французов»¹⁶; отделение церкви от государства аннулировалось, государство брало на себя содержание священников; полностью восстанавливалось свободное отправление культа. Для миллионов верующих французов это стало сигналом к началу примирения с властями и сотрудничества с государством.

Началась масштабная работа над гражданским кодексом (Кодекс Наполеона), которая завершилась в 1804 году.

Наполеон всячески укреплял военную систему страны и создал одну из лучших армий в истории. Многочисленная, хорошо организованная и дисциплинированная армия под командованием талантливых командиров и непосредственно самого Наполеона в течение многих лет неизменно приносила Франции победы, новые трофеи и территориальные приращения.

Тюлар полагает, что «успехи Бонапарта, за два года изменившего умонастроения масс, вселили уверенность как в тех, кто нажился на революции (буржуа и крестьян, прибравших к рукам национальное имущество), так и дворян (возвратившихся во Францию, а то и не покидавших ее), пробудили признательность рантье, получивших наконец наличными за свою ренту, и вызвали, по сведениям осведомителей полиции, доверие рабочих»¹⁷.

При этом усилились полицейский аппарат и преследование недовольных новой властью. Резко сократилось число газет. По сути, в стране не осталось печатных изданий, которые выражали точку зрения, отличную от официальной. Массовым явлением стали полицейский надзор и депортация за пределы страны (прежде всего в заморские территории) противников режима.

Наполеон хорошо помнил перипетии падения королевской власти и борьбу в ходе революции. Он четко улавливал настроение масс, поэтому активно использовал государственные рычаги для решения насущных проблем населения и преодоления экономических неурядиц. Так, буквально за считанные месяцы 1801 года были приняты энергичные меры по обеспечению страны хлебом, снижению цен на зерно, рост которых был обусловлен неурожаем предыдущих лет, и стимулированию национального производства. По словам Тюлара, «Уврар и Ванлерберг (французские предприниматели и финансисты. – Прим. авт.) предложили за два процента комиссионных закупить в английских и голландских портах весь уже доставленный туда груз пшеницы и переправить его в Гавр. Результаты не заставили себя ждать, успех оказался таким очевидным, поступления в порты Гавра и Руана такими значительными, что менее чем за три недели все опасения рассеялись. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы ликвидировать нависший над страной голод! О важности достигнутого при этом психологического эффекта свидетельствует одно из донесений префекта полиции: “Эти поставки благоприятно сказываются на обстановке, способствуют снижению цен на зерно и муку и явно успокаивают иные горячие головы”. Цену на хлеб удалось удержать ниже критической отметки в 18 су и нормализовать хлебную торговлю. Париж избежал голода»¹⁸.

«В столице возобновились общественные работы, – продолжает Тюлар, – бедняков кормили благотворительным супом, помогая рабочему люду пережить зиму. Некоторым испы-

¹⁶ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 111.

¹⁷ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 121.

тивавшим финансовые трудности мануфактурам Парижа, Лиона и Амьена были выделены беспроцентные кредиты. “В нынешних условиях Банк ведет себя слишком осмотрительно, – писал Бонапарт одному из его управляющих, Перрего. – Он мог бы приносить больше пользы”. Первый консул поощрял деятельность Коммерческой дисконтной кассы, контролировал другие финансовые учреждения (Коммерческий банк, Территориальный банк, Кассу Лафаржа, Общество наличного расчета), восполняя их наличность посредством акционерных обществ. К концу 1802 года кризис пошел на убыль»¹⁹.

Достаточно быстро первый консул начал проявлять признаки внешнего величия, присущие монархическим режимам. Так, уже 19 февраля 1800 года Наполеон покинул Люксембургский дворец, в который он недавно поселился в качестве консула, и переехал в Тюильри. Сьюард об этом говорит следующее: «Бурьен, приятель Наполеона и его доверенный личный секретарь в эти годы, является для нас единственным очевидцем того, как его хозяину удалось превратить консулат в монархию. По его словам, “спать в Тюильри, в опочивальне королей Франции, – единственное, чего желал для себя Наполеон, ведь все остальное попросту приложится”. И тут же добавляет: “Вскоре Люксембургский дворец показался ему мал”. Этот дворец был официальной резиденцией директоров. Первому консулу потребовалось ровно сто дней, чтобы перенести резиденцию. Постепенно из забвения извлекли на свет божий и придворный этикет. Наполеон облачился в пышный костюм из красного бархата, как подобало его положению; до этого бархат был запрещен как “недемократичный”. Консульская гвардия должна была отдавать ему королевский салют»²⁰. Британский юрист и журналист Фентон Бреслер подчеркивает, что переезд Наполеона во дворец Тюильри напоминал пышную церемонию прежнего королевского режима с участием нескольких тысяч солдат и высших чиновников республики. Консул устроился на втором этаже, в бывших покоях Людовика XVI, а его супруга – на первом этаже, в апартаментах, в которых жила королева Мария Антуанетта»²¹.

В конечном итоге первый консул уже и не скрывал, что создание монархии под своим началом и было целью преобразований, начатых с момента принятия Конституции VIII года. Следующим шагом в этом направлении было проведение в мае 1802 года конституционного референдума, на котором подавляющее большинство (за – 3 568 885, против – 8 374) поддержало предложение о провозглашении Наполеона пожизненным первым консулом.

Важнейшей особенностью Сенатус-консульта²², принятого на плебисците, по словам Тюлара, явилось внесение изменения в узаконенную Конституцией VIII года систему государственного устройства, направленного на существенное укрепление власти первого консула, который получил право представлять сенату своего преемника, что стало важным шагом к восстановлению наследственного принципа²³. Референдум 1802 года практически закрепил за первым консулом статус и положение монарха. Следующим шагом должно было последовать законодательное оформление привилегированного состояния и названия первого лица государства.

Вместе с тем вопрос взаимосвязи достижений революции и восстановления монархии в стране был достаточно сложным и неоднозначным. Всю свою жизнь Наполеон утверждал, что он выразитель революционной Франции, поэтому личные свободы, равенство перед законом, дух предпринимательства и инициативы, а не дворянские наследственные привилегии, гарантии прав собственности на имущество (а это уже интересы крестьянских масс и буржуазии),

¹⁹ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 121–122.

²⁰ Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 93.

²¹ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 19.

²² Сенатус-консульт – государственный акт, изменяющий или дополняющий конституцию волей консула, императора и публикуемый от имени сената. Использовался во Франции в XIX веке в период Консульства, Первой и Второй империи. – *Здесь и далее прим. авт.*

²³ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 129.

приобретенное в годы революции, законодательство, отвечавшее нормам прогрессивного буржуазного общества, стимулирование промышленности и другие достижения революции укоренились и стали основой французского общества в годы правления Наполеона.

Наполеон был противником всевозможных проектов восстановления монархии Бурбонов и возвращения к дореволюционным порядкам, хотя время от времени к первому консулу обращались с призывом о реставрации королевской династии. По мнению Сьюарда, «Бонапартов страшила такая перспектива развития событий, ведь они сами метили в принцев и принцесс. Они по-прежнему были заняты увеличением капиталов, скупали недвижимость, произведения искусства и бриллианты. Глава клана, как только добился высшей власти, немедленно занялся раздачей теплых местечек. Жозеф превратился в сенатора и был одним из трех полномочных послов для ведения переговоров с Соединенными Штатами. Люсьен стал министром внутренних дел, а Луи получил повышение до командира драгунского полка. Мюрату, ставшему к этому времени членом семьи, было вверено командование консульской гвардией и армией»²⁴.

«Надо, – говорил Бонапарт, – чтобы формы правления в соседних государствах приблизились к нашим или чтобы наши политические институты пришли в относительное соответствие с теми, которые сложились у них. Между старыми монархиями и новой Республикой существует дух противоборства. В этом – причина всех наших европейских раздоров»²⁵. Иными словами, Наполеон, все больше склоняясь к созданию монархии, все же оставался гарантом достижений революции. Европейские дворянско-монархические страны неизменно видели во Франции страну революции и попрания устоявшихся норм, где отправляли на эшафот королей и дворян, а чернь могла диктовать свои условия; где церковь подвергалась гонениям и т. д. На своих штыках французская армия несла лозунги и дух революции, которые были ненавистны правящим элитам европейских государств. Французы свержали старые династии и перекраивали границы по своему усмотрению, ставили и смещали королей и князей (по большей части из династии Наполеона), привносили буржуазные порядки и правовые нормы. При этом они нещадно грабили завоеванные территории, навязывали побежденным такие экономические правила и условия, какие полностью ставили их в зависимость от Франции, жестоко преследовали недовольных, попирали национальные и религиозные чувства других народов и т. д. Революция во Франции и последовавшие революционные и наполеоновские войны, которые бушевали в течение двух десятков лет, изменили лицо Европы, нанесли смертельную рану прежней дворянской знати и начертали путь дальнейшего развития континента.

В свете последующего изложения подчеркнем, что Наполеон Бонапарт положил конец революционной нестабильности в стране, гарантировал права собственности, стабилизировал экономику и повысил общий уровень жизни населения. Это были именно те шаги, какие уже много лет ожидало общество, и они создали основу поддержки наполеоновского режима. Подавляющей части населения уже было неважно, что во Франции установился диктаторский режим и посредством чего был достигнут в стране мир.

* * *

Вечером 24 декабря 1800 года на Бонапарта, направлявшегося в театр, было совершено покушение. Этот террористический акт был подготовлен шуанами (сторонниками короля. – *Прим. авт.*). Покушение не удалось, консул не пострадал. Однако это событие привело к тому, что Наполеон пришел к выводу о необходимости создания наследственной власти, которая не

²⁴ Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 94–95.

²⁵ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 123.

будет зависеть от внешних обстоятельств. Проблема заключалась в том, что у Наполеона и Жозефины не было детей, поэтому необходимо было найти выход из создавшейся ситуации.

Консул размышлял над тем, чтобы породнить Бонапартов и Богарне. Эта идея была горячо поддержана его супругой, но встречена с негодованием остальными членами клана корсиканца. «Поэтому, – как отмечает Кастело, – Жозефина, стремясь сблизиться с “кланом” и обезоружить его, пускает в ход все средства, чтобы просватать нежную Гортензию за своего юного деверя Луи. К тому же, если у Гортензии и Луи родится мальчик, почему бы Бонапарту не усыновить его? Тем самым Жозефина упрочила бы собственное положение: вечно преследующий ее призрак развода тогда уже обязательно рассеется. Чтобы добиться своего и принести дочь в жертву своим интересам, нужно побороться»²⁶.

У первого консула были другие виды на Гортензию. Он хотел выдать ее замуж за своего адъютанта Жерара Дюрока и сделать это как можно быстрее. Бонапарт вызвал Бурьена:

– Где Дюрок?

– Вышел. По-моему, он в Опере.

– Передайте ему, когда он вернется, что я обещал ему Гортензию, и он женится на ней. Но я хочу, чтобы все уладилось в течение двух дней, самое большее. Я дам ему полмиллиона франков, я назначаю его начальником восьмой дивизии. На другой день после свадьбы он уедет с женой в Тулон, и мы будем жить врозь.

Мне не нужен зять под боком. Я хочу с этим покончить, поэтому вечером вы скажете мне, согласен ли он.

– Не думаю.

– Ну что ж, она выйдет за Луи.

– А она захочет?

– Придется захотеть²⁷.

«Первый консул, – рассказывал впоследствии Бурьен, – делал мне это признание довольно резким тоном, который убедил меня, что этот вопрос был предметом оживленных споров консульской четы и что Бонапарт выдвинул свой ультиматум, устав от них и не желая больше к ним возвращаться»²⁸.

В половине одиннадцатого вечера появился Дюрок. Бурьен слово в слово передал ему предложение первого консула. «Раз дело обстоит так, друг мой, – воскликнул адъютант, – пусть оставит падчерицу при себе, я иду по б...» И Дюрок, взяв шляпу, с «равнодушным видом» ушел. Ответ его был передан первому консулу перед сном, и Жозефина обрела уверенность, что брак ее дочери с Луи состоится. «У нас, вероятно, не будет детей, – сказал ей Бонапарт. – Я воспитал Луи, считаю его своим сыном. Тебе дочь дороже всего на свете. Их дети станут нашими. Мы их усыновим, и это восполнит нам отсутствие собственных. Только нужно, чтобы наш план понравился молодым людям»²⁹.

План не особо приглянулся молодым людям, но под давлением Наполеона и Жозефины Луи и Гортензия все же согласились. К этому моменту Гортензии было восемнадцать лет. Она превратилась в милую и весьма привлекательную, хотя и несколько легкомысленную барышню. Это была девушка с хорошим воспитанием и манерами, живым ясным умом, она любила игры и музыку, отвечала взаимностью на взаимность. Некоторые историки (например, Роберт Сэнкур) полагают, что Гортензия была «талантливой, своенравной и снисходительной; она была одной

²⁶ Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 318.

²⁷ Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 319. См. также: Fenton Napoles. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 22.

²⁸ Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 319.

²⁹ Там же.

из тех женщин, которые не будут чахнуть из-за отсутствия симпатий и позволять нервам брать над собой вверх, если выбрали свой собственный путь»³⁰.

Бреслер считает, что это наблюдение не совсем справедливо. В более поздний период жизни она должна была доказать, что смогла выжить даже на этом этапе, поскольку, как она объяснила в своих мемуарах, полагала необходимым пожертвовать своими романтическими фантазиями ради счастья матери³¹.

Луи (Людовику) Бонапарту было двадцать три года. Он родился 2 сентября 1778 года в Аяччо и считался наиболее привлекательным среди всех братьев. Он всегда был близок к Наполеону, и тот его очень любил. Для того чтобы облегчить материальное положение семьи на Корсике, он взял Луи к себе в Валансе, где служил в артиллерийском полку де Ла Фер. Они несколько месяцев жили на лейтенантском довольствии Наполеона. В это время он обучал младшего брата военному делу, языкам, истории, географии, философии и другим предметам. Луи был серьезным и любознательным мальчиком и достаточно быстро, к удовлетворению брата, овладевал знаниями. Был принят в армию и в 1795 году стал лейтенантом. Принял участие в Итальянской кампании. Одно время был адъютантом командующего армией. Проявил храбрость. Во время битвы при Арколе Луи спас своего брата, вытащив его из-под павшей лошади. Получил чин капитана за заслуги в сражении у Брешиа.

При этом в ходе боев в Италии, по некоторым данным, в результате любовных приключений заразился «галантной болезнью». Долго лечился, но, судя по всему, так до конца и не смог излечиться. Венерическое заболевание отрицательно повлияло на общее физическое состояние Луи. Особенно пострадала центральная нервная система, спинной мозг и т. д. Постепенно развивалась мышечная атрофия. Не афишируя свои болезни, Луи записался в Египетскую армию Бонапарта. Однако через пять месяцев был отправлен во Францию по состоянию здоровья. Уже находясь в Европе, упал с лошади, что еще сильнее сказалось на его состоянии.

После возвращения старшего брата во Францию активно способствовал перевороту 18 брюмера 1799 года и за это, при содействии Наполеона, получил чин полковника и вступил в командование 5-м драгунским полком. Луи стал генералом в 26 лет.

³⁰ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 23.

³¹ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 23.

Луи Бонапарт, король Голландии.
Художник Ч. Ходжес, 1809

Давая характеристику Луи Бонапарту, Сьюард утверждает, что «Луи, к этому времени генерал, постоянно пребывал в отлучке по причине слабого здоровья и проводил дни, уткнувшись носом в книгу или предаваясь мечтаниям. Он страдал от некоей жестокой, хотя и точно не установленной хвори, возможно, последствие гонореи, в результате чего был подвержен ревматическим приступам, которые в конце концов сделали его калеккой. В душевном плане он также был не совсем здоров и часто страдал от вспышек ревности или мании преследования, что, согласно некоторым предположениям, являлось следствием его гомосексуализма.

Наполеон, однако, продолжал возлагать на него большие надежды, искренне полагая, что Луи в один прекрасный день может стать его преемником, хотя и признавал с явной неохотой, что, несмотря на внешнюю привлекательность, в Луи была заметна некая внутренняя опустошенность – *quelque chose de nicis*»³².

Исследователи семьи Наполеона уверяют, что Гортензия тайно была влюблена в адъютанта Наполеона Дюрока, а Луи – в младшую кузину Гортензии, Эмилию де Богарне, бесприданницу, отчимом которой был негр³³.

Церемония гражданского бракосочетания Гортензии и Луи состоялась 3 января 1802 года во дворце Тюильри, а на следующий день – церковного, в особняке на улице де ла Виктуар, которую проводил папский легат, кардинал Копрара, архиепископ Миланский. В честь этого события Наполеон подарил Луи дом на улице де ла Виктуар, а Гортензии – 250 тысяч франков, к ним Жозефина добавила еще 100 тысяч. Судя по воспоминаниям участников этого события, молодые особой радости от факта вступления в брак не испытывали, а Жозефина «обливалась слезами на протяжении всей церемонии и еще много дней спустя»³⁴.

Мало кто удивился, что брак Луи и Гортензии оказался сущим бедствием. Даже Наполеон вынужден был признать, что этот союз имел место только благодаря «воплям Жозефины». Что касается Летиции, то Люсьен сообщает нам в своих мемуарах, что «наша матушка даже не собиралась скрывать, что взбешена этим браком. В нем она видела триумф ненавистного ей семейства»³⁵. Вскоре сам Луи заявил, что его якобы силой принудили жениться на девушке. Не прошло и нескольких недель, как он оставил ее, сначала ради армии, а затем кочуя по разным водам. Помня о злобных высказываниях Люсьена (что она-де ожидает ребенка от первого консула), Луи боялся, что супруга произведет на свет младенца до истечения девяти месяцев.

Однако она родила сына после восьми месяцев беременности. Это был Наполеон Шарль, который, так как Жозеф имел одних дочерей, стал единственным наследником Бонапарта. За исключением, пожалуй, только первого консула, все остальное семейство настаивало на признании ребенка незаконнорожденным. Не без подсказки со стороны, Луи вскоре воссоединился с супругой, чем еще больше увеличил ее страдание. Из-за своей болезни он мучился постоянными болями, его кисти и предплечья были частично парализованы. Дома он вел себя как неврастеник, одержимый мыслями о воображаемой неверности Гортензии. Каждую ночь он со свечой в руке обыскивал ее комнату, пытаясь обнаружить любовников. Наполеон упрекнул брата, что тот «обходится с молодой женщиной так, словно муштрует полк»³⁶.

Рассеянная и капризная, Гортензия, однако, была не из тех, кто легко сдается перед жесткой супружеской дисциплиной. Вот свидетельство Кастело: «Молодые проводят медовый месяц в Мальмезоне. Однажды, когда Гортензия позволяет себе рассмеяться, хотя муж не посвящен в причину ее веселости, Луи вспыхивает: “За кого вы меня принимаете? Уж не полагаете ли вы, что я буду для вас игрушкой? Предупреждаю, что смеяться над мужьями

³² Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 101.

³³ Eric Anceau. *Napoléon III. Editions Tallandier. Paris, 2012. P. 26. См. также Jasper Ridley. Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 9.*

³⁴ Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 102.

³⁵ Там же. С. 121.

³⁶ Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 121.

позволяют себе только женщины легкого поведения, а я скорее расстанусь с вами, чем дам до такой степени унижить себя”. “Не стану даже пытаться описать свое отчаяние, – рассказывает Гортензия. – У меня мгновенно исчезла всякая надежда на счастье или хотя бы покой. Я не могла постичь раскрывшийся передо мной характер. Он внушал мне страх за будущее”. И какое будущее!

Позднее она разрыдается, увидев, как ее муж наденет в спальне рубашку чесоточного: считалось – терапия эпохи, – что это выводит из организма “болезнетворные соки”. Вследствие плохо залеченной галантной болезни Луи вечно хворает и ходит по врачам. Скоро он начнет ездить с одних вод на другие со своими мозговыми явлениями, атрофией рук, нарушением двигательной системы и головокружениями. Спору нет, посторонним он кажется человеком серьезным, кротким, “со сдержанными и мягкими манерами”, но в семейной жизни он довольно жалкая личность, вечно терзаемая пустыми подозрениями»³⁷.

Как бы то ни было, но молодые, к огромнейшему удовлетворению первого консула, делали свое дело государственной важности – через месяц после свадьбы Гортензия объявила, что беременна. Поздно вечером с 9 на 10 октября 1802 года в том же особняке на улице де ла Виктуар Гортензия родила мальчика. Присутствовавшие на родах женщины радостно кричали: «*Voilà notre Dauphin!*» Сообщение об этом событии немедленно было послано первому консулу. Наполеон был в восторге. Через два дня он пришел посмотреть на племянника и приказал назвать его Наполеоном Шарлем.

Уже в тот момент, как говорит Бреслер, появлялись различные слухи, что ребенок мог быть от Наполеона, и они, несомненно, достигали Луи, делая его еще более раздражительным и нетерпимым к супруге. Однако это были, судя по всему, просто сплетни, которые могли распространять противники первого консула, в том числе и внешние враги в лице той же Англии³⁸.

* * *

Тем временем первый консул продолжал активную внешнюю политику. Франция уже хозяйничала в Северной и Центральной Италии, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, на левом берегу Рейна, Южной Германии. Усилилось противостояние с Великобританией в Средиземном море, на Карибах, в Северной Америке. В это время корректировались границы, смещались неугодные правители, менялись правила экономической игры, укрупнялись страны, которые становились союзниками Франции, активно создавались новые антифранцузские коалиции и т. д.

В начале 1804 года произошли два события, сыгравшие важную роль в жизни клана Бонапартов: это раскрытие роялистского заговора Кадудаль – Пишегрю, целью которого было похищение (возможно, и убийство) Наполеона, и казнь незаконно вывезенного во Францию из Баденского герцогства герцога Энгиенского. В этой напряженной обстановке второй консул Камбасерес поставил в Государственном совете вопрос о том, не следует ли сделать правительство Франции «наследственным». 3 мая 1804 года трибунал практически единодушно высказался за назначение Наполеона императором и установление наследственной власти. Итог дискуссии в трибунате подвел его член, бывший революционер Кюре, он заявил: «Наполеон Бонапарт, ныне Первый Консул, должен быть провозглашен императором французов и чтобы титул императора наследовался членами его семьи»³⁹.

Вслед за этим, 28 флореаля XII года по республиканскому календарю (18 мая 1804 года), был принят «Сенатус-консульт», которым «во имя славы и благоденствия республики» сенат

³⁷ Кастело А. Жозефина. Виконтесса, гражданка, генеральша. Кн. 1. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 321–322.

³⁸ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 25.

³⁹ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 136.

провозгласил Наполеона «императором французов»⁴⁰. Новый конституционный акт приспособлял старые органы власти к правилам жизни страны в условиях императорского режима. По словам Тюлара, «текст конституции, включавший 142 статьи, закладывал фундамент новой власти – Империи, приспособлявая к ней старые государственные институты. Чтобы не травмировать лучших чувств революционеров, предпочтение было отдано императорскому, а не королевскому титулу. Статья 2 называла по имени обладателя императорского титула – Наполеона Бонапарта, не очерчивая круга его полномочий. Империя превратилась в навязанную логикой обстоятельств реальность. Титул императора наследовался его прямыми потомками, за исключением потомков по женской линии, что было данью монархической традиции. Однако, не имея наследников, Наполеон мог по желанию усыновить любого из детей или внуков своих братьев. Приемным детям предстояло уступить свои права прямым потомкам императора в случае, если последние появятся на свет после их усыновления. Пункт об усыновлении явился новшеством: будучи основателем Империи, Наполеон оставлял за собой право распоряжаться им по своему усмотрению.

Общественность спокойно восприняла положение о наследственной власти, поскольку у Наполеона не было детей. Это положение представлялось надежным гарантом стабильности, исключая возможные заговоры и интриги. И при этом не предполагало узаконения династических привилегий, аналогичных бурбонским. Империя заявляла о себе как о диктатуре общественного спасения, призванной отстоять завоевания Революции.

Следующим шагом на пути реставрации дворянства стало создание института шести высших придворных должностей: великого электора, архиканцлера, архиказначья, государственного канцлера, великого коннетабля и великого адмирала, а также высших офицеров (в том числе шестнадцать маршалов)⁴¹.

Вопрос об установлении империи был вынесен на референдум, который дал утвердительный ответ подавляющим большинством голосов (3 572 329 – за и 2569 – против). Это уже был третий референдум за период консульства. Торжественная коронация Наполеона состоялась 2 декабря 1804 года в соборе Парижской Богоматери в присутствии Папы Римского, Пия VII, дипломатического корпуса, двора, членов Законодательного собрания и депутатов от «лояльных городов». В завершающей части коронации император французов произнес торжественную присягу, в которой говорилось⁴²:

«Я клянусь сохранять в неприкосновенности территориальную целостность республики, соблюдать и следить за соблюдением статей конкордата и закона о свободе вероисповедания, соблюдать и следить за соблюдением принципов равноправия, политических и гражданских свобод, неотменяемости распродажи национального имущества, не повышать налогов и не вводить не предусмотренных законом пошлин, способствовать деятельности ордена Почетного легиона, править исключительно во имя интересов, счастья и славы французского народа».

Тюлар подчеркивает, что «этой присягой Наполеон заявлял о себе как о «коронованном представителе восторжествовавшей Революции»⁴³.

Как уже отмечалось выше, провозглашение империи сопровождалось назначением шести «высших сановников»: «архиканцлером» стал бывший второй консул Камбасерес; «архиказначеем» – третий консул Лебрэн; «великим избирателем» был назначен Жозеф Бонапарт; «коннетаблем» – другой его брат, Луи; испытанный кавалерист Мюрат, женатый на сестре Напо-

⁴⁰ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 136.

⁴¹ Там же. С. 137.

⁴² Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 139.

⁴³ Там же.

леона, стал «великим адмиралом». Ближайшие военные сподвижники Наполеона получили титул маршала. На смену сравнительно скромному консульскому двору пришел пышный императорский двор с придворными дамами, пажами, даже новой одеждой, расшитой золотыми пчелами на фоне алого бархата. Сформировалась новая знать, которая выдвинулась в ходе революции и консульства. Она успешно смешалась со старой, оставшейся во Франции, и теми, кто решил вернуться из эмиграции. Париж становился центром империи, и у Наполеона I были большие планы по его реконструкции и благоустройству.

* * *

Второй сын у Гортензии и Луи родился в Париже 11 октября 1804 года. На этот раз мальчик появился уже в императорском семействе, и Наполеон I приказал назвать его Наполеоном, но родителям было высочайше позволено выбрать ему второе имя, которое они ему и дали – Луи.

Рождение и этого ребенка также не смогло укрепить отношения между Гортензией и Луи, что было замечено всеми. Они предпочитали проводить время отдельно и как можно меньше общаться. На это уже не раз обращал внимание раздраженный император и время от времени делал строгие выговоры своему младшему брату.

С другой стороны, как это ни удивительно, рождение еще одного сына только придало дополнительный вес Луи и Гортензии во всей иерархии империи, и поскольку Наполеон I не имел детей, а его старшие братья – Жозеф и Люсьен – отпрысков мужского пола, Наполеон Шарль и Наполеон Луи автоматически становились наследными принцами и претендентами на императорский трон.

Тем временем наполеоновская империя вступала в стадию своего расцвета. Блестящие победы французского оружия приводили к новым территориальным приобретениям, притоку богатства и экономическим благам. Наполеон I перекраивал границы континента, уничтожая и создавая новые государства, во главе которых ставил своих родственников. В июне 1806 года Луи становится королем Голландии, правда, королем номинальным, поскольку Голландия (как и любое другое государство, зависимое от наполеоновской Франции) должна была полностью подчиняться французской политике и беспрекословно выполнять все указания из Парижа. Даже «назначение» на этот пост было осуществлено прямолинейно, по-военному, в манере, присущей императору. Наполеон I просто распорядился, не удостоив брата какого-либо внимания и разговора. Луи случайно узнал обо всем только от членов голландской делегации, прибывшей на переговоры в Париж.

Луи и Гортензия появились в Гааге в середине июня 1806 года, а затем на месяц отбыли в Висбаден и Экс-ля-Шапель (Ахен), где король продолжал лечить свои болезни. В начале сентября Луи вернулся в Голландию, Гортензия же осталась в Экс-ля-Шапель.

В королевство она приехала только в конце месяца и через неделю вместе с Луи вернулась в Германию. Король отбыл к своим войскам, которые в составе императорской армии участвовали в войне с Пруссией.

Все это время Гортензия вместе с Жозефиной оставалась в Майнце. Несмотря на общественное недовольство ее отсутствием в королевстве, она не возвращалась в Голландию вплоть до 29 января 1807 года. Как точно высказался Джаспер Ридли: «У нее были страхи, присущие соотечественникам, по отношению к холодным, туманным странам, которые французы называли мрачным термином *le Nord* (“Север”), и тот факт, что для нее Голландия являлась *le Nord*, был достаточно хорошей причиной, чтобы туда не ехать, а другая причина – растущая неприязнь к мужу»⁴⁴.

⁴⁴ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 12.

В связи с континентальной блокадой, объявленной императором, первейшей задачей Голландии становилось прекращение всякой торговли и коммуникаций с Великобританией. Кроме того, она должна была потреблять французские товары и поставлять солдат для императорской армии. Для страны, которая исторически выросла из морской торговли и для которой отношения с Англией были одной из важнейших составляющих экономики, это было равносильно постепенному угасанию и прозябанию.

В личной жизни голландской королевской семьи улучшений не предвиделось. Луи проводил большую часть времени в Голландии, а Гортензия не переносила влажный ветреный морской климат страны и старалась быть больше во Франции или в путешествиях. Местные жители не любили королеву, которая не хотела видеть своих подданных, а тем более заботиться о них. Совершенно другое дело было с королем.

Удивительно, что, несмотря на все свои физические недуги и неврастению, Луи оказался, не в пример другим членам клана Бонапартов, вполне адекватным королем, кто, вопреки воле старшего брата, заботился о своих подданных и пользовался популярностью в народе. Он искренне привязался к голландцам, проявлял о них заботу, пытался развивать местные производительные силы и минимизировать отрицательные последствия для страны неравноправных экономических отношений с Францией. Король окружил себя местной аристократией и советниками. Луи не желал беспрекословно выполнять приказы Наполеона, поскольку справедливо считал, что это приведет к обнищанию королевства. Более того, он начал изучать голландский язык (правда, говорил очень плохо, с ошибками), что также делало его своим среди местных жителей.

«Младший брат Наполеона, – свидетельствует Сьюард, – оказался неспособен понять, что главное назначение его страны заключалось в том, чтобы воспрепятствовать проникновению в Европу британских товаров через ее порты. Вместо этого Луи закрывал глаза на контрабанду и позволял американским судам заниматься доставкой британских товаров. Император распорядился, чтобы он нанял французских таможенных чиновников. Согласно графу Моле, Наполеон велел брату помнить, “что прежде всего и превыше всего, ты – французский принц”. Но король Людовик (так он ставил свою подпись) возразил: “Тебе следовало предупредить меня об этом, прежде чем давать мне корону. А то, что ты требуешь от меня сейчас, грозит упадком и запустением стране, чью судьбу ты вверил мне, чье процветание является теперь моим первейшим долгом”. В Голландии то и дело происходили стычки между голландцами и французами, и на жалобы брата король неизменно реагировал непозволительной дерзостью. В его небольшом дворце в Гааге Луи окружали голландцы или те, кто им сочувствовал. С другой стороны, королева Гортензия, сохранявшая преданность отчиму, все еще видела себя французской женщиной и возглавляла профранцузскую партию, что, разумеется, еще больше отравляло и без того нелегкие отношения этой супружеской четы.

В декабре 1809 года, когда король прибыл в Париж на семейный совет по поводу развода Жозефины, император угрожал аннексией Голландии, заявляя, что та “не что иное, как английская колония”. Вскоре Наполеон начал размещать в голландских портах французские гарнизоны, но в ответ на это его брат отдал распоряжение губернаторам Бреды и Берген-оп-Зоом оказывать императорским войскам всяческое сопротивление, правда, весьма безуспешно. К маю 1810 года все владения Луи к югу от Рейна вошли в состав Франции, а Утрехт и Гаага оказались оккупированы. Судя по всему, за королем оставался один Амстердам. Это было жестоким ударом по его самолюбию. 3 июля 1810 года он принял тайное отречение в пользу своего сына Наполеона Луи.

Он уже распродал кое-что из своих имений и вывез за пределы страны деньги и бриллианты. Той же ночью с двумя преданными ему офицерами Луи бежал через германскую границу на один из божемских курортов для лечения своих хворей. Императору потребовалось

две недели, чтобы выяснить, куда же подевался его брат. Не теряя зря времени, он оккупировал целиком Голландию, сделав ее частью Французской империи»⁴⁵.

Знаток эпохи Первой империи, Тюлар писал, что «на севере – Голландия, в прошлом Батавская республика, ставшая в 1806 году королевством, вотчиной Людовика Бонапарта, ждущая того часа, когда в 1810 году она будет грубо аннексирована Наполеоном, нетерпимым к проявлениям своеволия брата. Задолго до этого события император сделал ему строгое внушение в ответ на пожелание последнего приспособить гражданский кодекс к местному праву: “Нация, насчитывающая 1 800 000 душ, не может иметь собственного законодательства. Римляне диктовали законы союзникам; почему бы и Франции не навязать свои законы Голландии?” В дальнейшем континентальная блокада обострит конфликт между братьями. Стремясь предотвратить разорение своего королевства, экономика которого целиком зависела от морской торговли, Людовик вынужден был терпеть контрабанду, превращая тем самым Голландию в самое уязвимое звено наполеоновского кордона. Вот почему в 1808 году Наполеон решил ее аннексировать. В июле 1809 года, после неудавшейся попытки англичан захватить Зеландию, он лишь укрепился в своем намерении. В марте 1810 года Людовику было предложено уступить Франции земли к югу от Рейна. Отныне семи тысячам французов (со временем их число возросло до двадцати тысяч) предстояло контролировать голландское побережье»⁴⁶.

Современный нидерландский историк Геерт Мак дает следующую характеристику деятельности Луи в качестве короля Голландии: «Решающим толчком к созданию единого нидерландского государства стал чудовищный взрыв. Двенадцатого января 1807 года в 4 часа 15 минут дня в Лейдене, на канале Стейнхюр, между улицами Нивстеех и Лангебрюх, предположительно из-за небрежности двух членов команды взлетело на воздух нагруженное под завязку судно, перевозившее порох. Грохот был слышен даже во Фрисландии. Погибло около 160 человек, из 2000 раненых многие остались инвалидами... Это несчастье стало поворотным пунктом по двум причинам, что признается и современными исследователями. Во-первых, потому, что оно было воспринято как первая национальная катастрофа. Прежние несчастья – прорывы плотин, наводнения, взрывы пороха – рассматривались, скорее, как местные или региональные несчастья, и сбор средств и другие акции помощи имели прежде всего религиозную мотивацию. Эта же катастрофа с самого начала воспринималась как общая, национальная трагедия или, как говорилось с церковных кафедр, как “всеобщее бедствие, переживаемое всем Отечеством”... Во-вторых, вследствие этой катастрофы нидерландцы осознали совершенно новый феномен: монарх призван заботиться обо всей нации и – в качестве символа – объединять ее. За полгода до этого коронованный брат Наполеона сразу же понял, что несчастье может дать ему возможность привязать к себе его до тех пор равнодушных подданных. Через несколько часов после взрыва он уже ходил по развалинам. С военной оперативностью и целеустремленностью он несколько дней практически и эффективно руководил спасательными работами. Он предоставил свой дворец для жертв катастрофы и пожертвовал солидные суммы из личных средств на восстановительные работы.

Такое поведение было характерно для этого энергичного и деятельного, но впоследствии сильно недооцененного монарха, который, с одной стороны, в методах управления и создаваемых государственных институтах имитировал французские образцы, а с другой – постоянно учитывал особенности Нидерландов. И он действительно был здесь символом нации. Его правление продолжалось всего четыре года, но этого было достаточно, чтобы нидерландские республиканцы, уставшие от постоянных внутренних раздоров, почувствовали вкус современной монархии. И он им понравился»⁴⁷.

⁴⁵ Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 220–221.

⁴⁶ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 170.

⁴⁷ Мак Г. Нидерланды. Каприз истории. М.: Весь Мир, 2013. С. 105–106.

* * *

Несмотря на все увещания, призывы и угрозы императора, отношения Луи и Гортензии не складывались, и все шло к окончательному разрыву, но именно в этот момент в жизнь королевской четы вмешались обстоятельства, которые на некоторое время их снова объединили. 5 мая 1807 года умер первенец, Наполеон Шарль. Болезнь горла перешла в заражение гортани и дыхательных путей (круп), и, несмотря на все усилия врачей, спасти малыша не удалось. Несколько часов Луи и Гортензия провели в слезах на коленях у постели сына. После этого вместе отправились в королевский дворец Лакен, в оккупированные французами австрийские Нидерланды (сейчас там находится резиденция бельгийской королевской семьи в Брюсселе), где к ним присоединилась Жозефина. Хотя через некоторое время Луи отправился обратно в Голландию, но некое связующее звено между ним и супругой осталось. Они словно почувствовали объединявшее их начало.

В это время королевская чета активно переписывалась и была готова снова проводить время вместе, деля горе и радости. Как свидетельствует Бреслер, «Гортензия была безутешна в своем горе. По своей природе она инстинктивно чувствовала себя жертвой жизненных несчастий, но имела стальную волю к выживанию. Поскольку она никогда не забывала о своем высоком социальном положении, она старательно улыбалась сквозь слезы. В первых главах своих мемуаров, начатых в возрасте тридцати четырех лет, она писала в несколько причудливой форме: “Моя жизнь была такой блистательной и такой несчастной, что люди этим заинтересовались. Мир превозносил или порицал меня в зависимости от обстоятельств, но всегда с преувеличением, потому что мой высокий ранг немногим позволял приблизиться ко мне, чтобы иметь возможность судить правильно. Я полагаю, что не заслужила ни хвалебных речей, ни слишком строгой критики. Мое сердце всегда вело меня во всем, что бы я ни делала, а может ли оно ошибаться, когда чисто?”»⁴⁸.

Жозефина и Наполеон I также приложили дополнительные усилия в целях единения Гортензии и Луи. Это на некоторое время дало свои результаты. Правда, вскоре, как утверждает Ридли, «Гортензия в своем горе, как обычно, повернулась к матери, а не к мужу, и уже через несколько дней отправилась в дом Жозефины в Мальмезон, а Луи вернулся в Голландию. Она все еще была полностью поглощена смертью своего ребенка, хотя и получила неукоснительный наказ от Наполеона I прекратить продолжительный траур, поскольку, как он сказал ей, “короткий период скорби был бы правильным, но если она продолжит траур, то он будет рассматривать его как оскорбление самой себя”. Она прислушалась к этим мудрым словам и, оставив сына, Наполеона Луи, с Жозефиной, отправилась на отдых на Пиренеи, в Котрэ. Она путешествовала тайно с небольшой свитой, но о ее присутствии там вскоре стало широко известно; особенно после того, как она стала одаривать щедрыми чаевыми швейцаров и гидов. Гортензия терпеливо переносила знаки внимания, которых удостаивалась от суетливых и напыщенных мэров, но при этом продолжала относиться ко всем со своим обычным обаянием и вскоре стала очень популярна в этом районе»⁴⁹.

Единое горе, время, проведенное с супругой в Бельгии в начале мая, и настоятельные требования императора и Жозефины привели к тому, что Луи покинул Голландию и отправился на Пиренеи к Гортензии. Там Луи не нашел взаимности от супруги и через две недели уехал на воды в Юсса, в Арьеже, а Гортензия отправилась путешествовать дальше по Пире-

⁴⁸ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 30.

⁴⁹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 13.

неям. При этом, как говорит Ридли, в последующем они неизменно «заявляли, что у них не было сексуальных отношений в Котрё»⁵⁰.

Судя по воспоминаниям спутников королевы, она впервые с момента смерти сына была весела и беззаботна, полностью отдаваясь прелестям поездки. 25 июля она посетила прекрасный высокогорный водопад Гаварни, где и заночевала в придорожной гостинице. Именно этот визит к водопаду, продолжает Ридли, привлек большое внимание историков, поскольку эти события происходили за девять месяцев до рождения Наполеона III. Часто предполагалось, что в гостинице в Гаварни или где-то еще во время ее поездок по Пиренеям она ложилась спать с тем, кто был истинным отцом Наполеона III⁵¹.

Луи все еще был на юге Франции, а Гортензия продолжала свое путешествие по Пиренеям. 11 августа 1807 года они встретились в Тулузе. В этом городе, в отличие от Котрё, у них уже была интимная связь, о чем они говорили в дальнейшем⁵². После они вместе отправились из Тулузы в Париж. В дороге у них также были интимные контакты. 27 августа они прибыли в Сен-Клу. Через месяц Луи вернулся в Голландию, а Гортензия – в Париж. Они не встречались вплоть до рождения сына 20 апреля 1808 года в Париже, то есть восемь месяцев с момента их встречи в Тулузе.

На этом месте нашего рассказа, полагаю, будет не лишним прерваться и дать кое-какие пояснения, которые имеют огромное значение для последующего изложения биографии Наполеона III.

Почему столь большое внимание этому периоду жизни Гортензии и Луи уделяют авторитетные историки, исследователи и политики, а также к каким в конечном итоге выводам они приходят? Прежде всего, следует сказать, что происхождение Луи Наполеона (Наполеона III) интересует специалистов и общественность с учетом тех политических событий, которые произойдут во Франции уже в середине XIX века. Луи Наполеон шел к власти на волне популярности идеи бонапартизма и олицетворял собой продолжение политики и славы Наполеона I – ведь он был его ближайшим родственником, племянником.

Будущий первый президент и император французов обещал своим согражданам возвращение и сохранение идей Великой французской революции, которые не воспринимали королевский режим и старые порядки. Он выступал гарантом стабильности, порядка и успеха – именно тех составляющих элементов французского общества, какие были полностью созвучны направлениям внутренней политики первого императора французов.

Наполеон III выстраивал свою внешнюю политику на идеях отмены решений Венского конгресса 1814–1815 годов, Парижского мира 1815 года и других документов, практически упразднивших все достижения Первой империи и возвративших Францию к границам 1790 года. Франция вновь приступила к активной внешней политике, и ее правитель должен был выглядеть законным главой страны в глазах руководителей и элит других государств. Но все это было возможно при условии прямых да и просто родственных связей между Наполеоном III и Наполеоном I. В противном случае ставился под сомнение сам факт законного прихода к власти гражданина Луи Наполеона.

Одним из самых первых авторитетнейших и принципиальнейших противников Наполеона III был Виктор Гюго, который вскоре после прихода его к власти сказал следующее: «У него нет ничего от Бонапартов – ни внешности, ни их манер, и возможно, он вообще не при-

⁵⁰ Там же. P. 13–14.

⁵¹ Там же. P. 14.

⁵² Там же. P. 14.

надлежит к ним. Когда вспоминают легкий образ жизни королевы Гортензии и сопоставляют даты, то его происхождение ведут от адмирала Верюэля»⁵³.

В своей поэме «Возмездие» (1853) Гюго уже в эмиграции на острове Джерси написал следующие строки⁵⁴:

*«Он – гнусный и убогий, законченная мразь!
И править будет этот понарошку князь?
Ведь оскорбляет небеса скипетр его порой,
Но милостию Божьей явился злой король!
И этот оборванец, что титул свой достал
С зачатием внебрачным и влез на пьедестал,
Подонки с эшафота, случайное дитя,
В чьем имени обман и ложь сплелись не шутя,
Богема на смешеньи коварства или чванства,
Такой чужак войдет в кровь королей Браганса?»⁵⁵*

Многочисленные противники и недоброжелатели главы Второй империи продолжают утверждать, что младший брат Наполеона Бонапарта, король Голландии Луи, не является отцом Наполеона III. Сторонники же Наполеона III однозначно утверждают, что он сын короля Луи и племянник великого Наполеона I. Вопрос происхождения императора до настоящего времени остается открытым и вызывает ожесточенные споры, поэтому, не слишком злоупотребляя вниманием читателя, полагаю целесообразным для полноты картины все же посвятить несколько страниц рассмотрению этого вопроса.

Итак, послушаем различные мнения о происхождении третьего сына голландской королевской семьи. Обратимся опять к Ридли. Вот что он пишет: «Неудивительно, что, когда Луи Наполеон был президентом и императором Франции, его враги распространяли слухи о том, что он не сын короля Луи. Поскольку он был обязан своей популярностью и приходом к императорскому трону во многом тому, что считался племянником великого Наполеона, то был бы полностью дискредитирован, если бы можно было доказать, что он не принадлежит к Бонапартам, а отношения между Луи и Гортензией во время его рождения дают хорошие возможности для подобной инсинуации. Но сплетни такого рода, как правило, обманчивы.

По какой-то причине критики выбрали в качестве отца Луи Наполеона голландского адмирала Верюэля. Хотя нет никаких доказательств, что Верюэль был кем-то большим, чем случайным знакомым Гортензии, и нет никаких сомнений в том, что он находился в Голландии в течение лета 1807 года и не был на Пиренеях, когда там была королева. А вот его брат находился там.

Другой “подозреваемый” – Эли Деказ, будущий герцог Деказ и премьер-министр, который был прикомандирован ко двору Луи Бонапарта в качестве юриста-советника. Он посетил Гортензию в Котрэ летом 1807 года. В то время ходили слухи, что он был ее любовью и, возможно, отцом Луи Наполеона, но, по словам Гортензии, она была раздражена его поведением и не приняла его.

В качестве отца Луи Наполеона были предложены еще несколько человек. Особое внимание было обращено на первого камергера королевы, графа Вильнёва, который находился с Гортензией и ее спутниками в гостинице в Гаварни, а за неделю до этого – в Котрэ.

⁵³ Hugo V. Chose vues 1830–1870. Genève. 1944. P. 371.

⁵⁴ Гюго В. Возмездие. М., 2007.

⁵⁵ Пер. А. Кочубей.

В 1816 году, когда Луи окончательно решил закончить свои супружеские отношения с Гортензией, он написал ей укоризненное письмо, в котором заявил, что в течение всей их семейной жизни было всего три коротких периода, всего три месяца, когда они имели сексуальные отношения: в первые недели после их брака в январе 1802 года; в январе 1804 года, когда был задуман Наполеон Луи, и в Тулузе, во время поездки в Париж в августе 1807 года. Почему Гортензия, отказывавшаяся спать со своим мужем больше трех лет, вдруг согласилась сделать это в Тулузе 11 августа 1807 года? Одно из возможных объяснений заключается в том, что, имея сексуальные отношения с мужчиной в Гаварни в ночь на 25 июля, она поняла, что может быть беременна – современные методы контрацепции были недоступны в 1807 году, и поэтому поспешила в Тулузу к Луи, чтобы никто не мог доказать, что ее ребенок был незаконным. Однако большинство историков, которые тщательно изучали этот вопрос, решили довериться Гортензии и приняли легитимность ее сына. Все, что можно сказать с уверенностью, это то, что вряд ли когда-нибудь будет возможно доказать, был ли Луи Бонапарт отцом Наполеона III или нет»⁵⁶.

Британский историк Дэвид Стэктон полагает, что Луи Бонапарт – отец Наполеона III. «Когда умер ее (Гортензии. – Прим. авт.) старший сын Наполеон Шарль, – пишет Стэктон, – она уехала на Пиренеи. В кои-то веки Луи повел себя правильно. В итоге 20 апреля 1808 года родился их последний ребенок, Луи Наполеон – будущий Наполеон III. К этому сыну Луи испытывал особую неприязнь и всегда утверждал, что это не его сын (и был неправ – Гортензия стала любовницей Шарля де Флао немного позже). “Как приятно жить вдали от вас, ничего не обсуждать с вами, ничего не ждать от вас. Если мне есть чего бояться, вы тут ни при чем”, – написал Луи жене в качестве поздравления»⁵⁷.

Не ставит под сомнение отцовство Луи французский биограф Наполеона III Жан Гетари, который считает, что некоторые историки несправедливо в качестве аргумента приводят факт его отсутствия при рождении ребенка. «При этом они, – говорит Гетари, – не принимают во внимание, что король Луи был со своей женой в Котрэ, а впоследствии оставил свое имущество “наследнику Луи Наполеону, единственному сыну”». «Но есть еще один документ, – продолжает Гетари, – который, как мне кажется, имеет еще большую ценность, нежели наследственные дела. Это очень трогательное и нежное обращение Луи к сыну от 9 апреля 1821 года по случаю его первого причастия: “Я даю Вам мое благословение всем сердцем и буду повторять свое отцовское благословение каждый раз в торжественных случаях, каждый день, вечер и всякий раз, когда мое воображение обращено к Вам”». «Разве может человек с какими-либо подозрениями писать сыну такие письма», – задается вопросом Гетари⁵⁸.

Французский историк Эрик Ансо утверждает, что король Голландии вначале «проявил меньший интерес к Луи Наполеону, чем к двум другим своим сыновьям. Может быть, потому что сомневался в своем родстве. Однако в конечном итоге начал считать ребенка своим сыном. Его последующее поведение, переписка, последняя воля свидетельствуют об этом. По общему признанию, маленький Луи напоминал внешне мужчин рода Богарне, а его профиль и особенно горбинка на носу выдавали его сходство с королем. Кроме того, Луи оценил определенное сходство характера между собой и мальчиком – та же меланхолия, тот же гнев, которые действительно были наследственными, поскольку они жили далеко друг от друга». «Если сегодня невозможно быть категоричным, – продолжает Ансо, – то наиболее вероятная гипотеза, с чем согласны большинство историков, – это отцовство короля Людовика, в котором Луи Наполеон вряд ли когда-либо сомневался»⁵⁹.

⁵⁶ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 14–15.

⁵⁷ Стэктон Д. Бонапарты: от императора до наших дней. М.: Захаров, 2012. С. 17.

⁵⁸ Jean Guétary. *Un Grand Méconnu: Napoleon III*. Danielle Boulois Editions (eBook). 2013 P. 9–10.

⁵⁹ Eric Anceau. *Napoléon III*. Editions Tallandier. Paris, 2012. P. 30–31.

Завершая рассказ о тайне рождения будущего первого президента Французской республики и императора французов, послушаем одного из наиболее авторитетных биографов Наполеона III – Бреслера. Вот что он говорит на эту тему: «Положительный ответ большинства французских и британских историков до некоторой степени неубедителен. В 1909 году во Франции Андре Лебе писал: “Приходим к выводу, что, скорее всего, он был сыном Луи Бонапарта, но полностью уверенным быть нельзя. Гробница королевы Гортензии в скорбной маленькой церкви Рюэля на окраине Парижа хранит свою тайну”. В 1961 году Адриен Дансет, возможно, один из лучших французских биографов Луи Наполеона, написал следующее: “В сложившейся ситуации очень сложно прийти к какому-то определенному выводу. При современном состоянии наших знаний, вероятней всего, невозможно отказать королю Луи в старой поговорке: “Отец – это тот, кто прошел церемонию бракосочетания”. В 1990 году Филипп Сегён пришел к такому же половинчатому вердикту: “Невозможно отнести отцовство к какой-либо третьей стороне; король Луи – единственный человек, который определенно разделил постель с королевой Гортензией во время его зачатия”.

В Британии доктор Ф.А. Симпсон в 1909 году был более оптимистичен: “Больше доказательств в пользу того, что Луи Наполеон – действительно сын короля Голландии Луи”. Но позднее историки были уже не так уверены. Например, в 1972 году профессор В.Х. Смит из Лондонского университета пришел к следующему выводу: “Судя по всему, нет особых оснований для обвинений в незаконном рождении, хотя чисто арифметически это вполне возможная вещь”.

В 1995 году Тьерри Ленц просто пожал плечами: “По сути, маловажно – был король Голландии или не был действительно отцом Наполеона III. Для политики это не имеет никакого значения”. С ним трудно согласиться. Может быть, это “не важно” с точки зрения политики, но если рассматривать Луи Наполеона прежде всего как человека, то чрезвычайно важно знать, кто его отец. Была ли основана на реальности или заблуждении его собственная глубокая вера в принадлежности к роду Бонапартов»⁶⁰.

Учитывая опыт и наработки предыдущих поколений историков, Бреслер провел собственное расследование на основе фактов из жизни Гортензии и Луи Бонапарта, их взаимоотношений, отношений Гортензии с другими мужчинами, а также действовавшего на тот момент законодательства Франции. В частности, он подробно рассмотрел хронологию событий, начиная с приезда Гортензии и сопровождавших ее лиц в июне 1807 года в Котрё вплоть до возвращения в Париж 27 августа; список мужчин, которые окружали и, возможно, встречались с королевой Голландии в этот период времени (граф Шарль Билонд-Пальстеркамп, маркиз де Кастеллан, адмирал Шарль Анри Верюэль, дипломат Верюэль, граф Эли Деказ, граф Шарль де Флао); физические сходства и различия между королем Луи и его сыном.

Он полагает, что историки обратили недостаточно внимания на воспоминания и мемуары Гортензии, а также на собственную точку зрения Наполеона III на тайну своего рождения. Завершая расследование, Бреслер пришел к следующему выводу: «Ни один британский писатель не приводил собственный взгляд Луи Наполеона на вопрос о его рождении. Я нашел ответ в старой потрепанной книге, приобретенной в букинистическом ларьке на берегах Сены около собора Нотр-Дам. Фердинанд Бак был французским писателем, чей отец, Шарль Анри Бак, был другом и кузеном Луи Наполеона, а также незаконным сыном Жерома Бонапарта. В своей книге *Napoléon III inconnu*, опубликованной в 1933 году, Бак прямо цитирует то, что сказал Наполеон III его отцу. Император не сомневался, что он сын короля Луи. “Я сделал свои расчеты”, – произнес он.

По итогу дня (как говорят в таких случаях английские юристы), мои размышления привели меня к выводу, что Наполеон III действительно был сыном Луи Бонапарта, брата великого

⁶⁰ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 37–38.

Наполеона. Как адвокат, уверен, что взял бы это дело для рассмотрения в современном суде и выиграл бы его»⁶¹.

Полагаю, что не стоит далее злоупотреблять вниманием читателя тайной рождения Луи Наполеона (Наполеона III). Позволю только кратко выразить свое отношение к рассматриваемому событию, которое произошло более 200 лет назад. Все должно соотноситься с временем и пространством. Бесспорно, есть определенная загадка в отношении отцовства Наполеона III. И по мере того как Луи Наполеон в процессе политической деятельности начинал борьбу за власть, этот факт его биографии приобрел особую значимость. Подчеркну – особую, потому что Луи Наполеон шел к власти, представляя интересы тех слоев населения и элит, которые были сторонниками принципов и духа политики Наполеона I, что позднее было сформулировано как бонапартизм.

Здесь следует отметить следующее: что было приемлемо и успешно применялось во внутренней и внешней политике Франции в начале XIX века, естественно, не могло быть применимо в условиях середины XIX века. Так что Наполеон III под флагом Наполеона I использовал свои методы и инструменты во внутренней и внешней политике страны.

Тем не менее в тот ключевой момент истории Франции (да и в целом европейской истории) тайна рождения Наполеона III имела огромное значение, поэтому становится более понятным яростное столкновение сторонников и противников разных версий рождения Луи Наполеона. Кстати говоря, во времена Второй империи были запрещены какие бы то ни было публикации и обсуждение происхождения Наполеона III, которые отличались от официальной версии (то есть отцовства короля Голландии).

Вместе с тем, на мой взгляд, гораздо важнее то, что Луи Наполеон воспитывался в духе приверженности к Первой империи и в конечном итоге полностью внутренне чувствовал свою прямую связь с первым императором французов. Это стало его духовным миром и побудительным мотивом всех его политических поступков. И даже если допустить, что он генетически не Бонапарт, – это уже не имеет никакого значения. Так что на этом мы ставим точку и снова переносимся в Париж.

⁶¹ Там же. Р. 46.

Глава 2

Рождение и детство

Третий ребенок в голландской королевской семье появился на свет в час ночи 20 апреля 1808 года в Париже, в особняке на улице Серюгги, 8⁶². Роды, длившиеся более двадцати часов, проходили тяжело. У врачей были все основания считать, что ребенок может не выжить. Младенца сразу же обмыли в ванночке с вином и завернули в теплые хлопковые полотенца. «Он был таким слабеньким, что я боялась, что потеряю его при родах», – вспоминала позднее Гортензия⁶³. Король Голландии Луи при этом событии не присутствовал: он был в Утрехте и готовился переехать в новую столицу страны, Амстердам.

В официальном издании, в газете *Le Moniteur*, 21 апреля было размещено следующее сообщение⁶⁴:

«Вчера, в час ночи, ее Величество Королева Голландии благополучно разрешилась от бремени. В соответствии со статьей 40 Конституционного Акта от 28 флореаля 12-го года, Канцлер империи засвидетельствовал рождение принца и сразу же написал об этом событии Императору, Императрице и Королю Голландии. В пять часов вечера акт рождения был принят архиканцлером при содействии члена государственного совета, секретаря императорской семьи Его Превосходительства Рейньо де Сен-Жан д'Анджели. В отсутствие Императора новорожденный принц еще не получил имени. Это будет предусмотрено последующим актом, согласно распоряжениям Его Величества».

Рождение сына Луи у Гортензии совпало с одним из важнейших периодов в жизни Первой империи. Начиналась испанская эпопея, которая стала первым предвестником будущего крушения всего здания, задуманного и неустанно возводимого Наполеоном I. Начало 1808 года было временем мучительных раздумий и последующих действий императора на пиренейском направлении. Наполеон I всячески старался включить Испанию и Португалию в сферу интересов Франции. Более того, эти страны должны были стать зависимыми от политики и экономики Франции, то есть оказаться полностью в подчиненном положении по отношению к своей северной соседке.

Император также осознавал, что политика континентальной блокады Великобритании не достигнет своей цели, если Испания и Португалия будут и дальше продолжать поддерживать экономические связи с Англией. Пиренеи стали огромной дырой во всей системе континентальной блокады. Английские товары через Пиренейский полуостров распространялись по всему континенту, в том числе во Францию. Британцы устраивали там свои базы и постоянно угрожали южным рубежам империи. Это было недопустимо. Такому состоянию дел, по мнению императора, необходимо было положить конец. Исходя из своей привычной политики установления власти на подконтрольных территориях через представителей дома Бонапартов, Наполеон I вновь обратил свой взгляд на Луи.

27 марта 1808 года император послал письмо брату, в котором предложил стать королем Испании. В нем он, в частности, писал следующее: «Испанский король (Карл IV. – *Прим. авт.*) отрекся от престола; “князь мира” (Мануэль Годой, испанский государственный деятель, фаво-

⁶² Здание не сохранилось, ныне это район улицы Лаффит в IX округе Парижа.

⁶³ *The Memoirs of Queen Hortense. Vol. 1. Cosmopolitan Book Cor. New York, 1927. P. 301. Смотрите также Jerrold Blanchard. The Life of Napoleon III. Vol. 1. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 63.*

⁶⁴ *John S.C. Abbott. The History of Napoleon III. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 24.*

рит королевы Марии Луизы Пармской, жены короля Карла IV. – *Прим. авт.*) сидит в тюрьме. Я решил посадить на испанский трон французского принца. Климат Голландии вам не подходит. Я прочу вас на трон Испании. Немедленно отвечайте мне по существу – согласны ли вы стать королем Испании?»⁶⁵

Однако Луи не собирался быть марионеткой в руках брата и в ответном письме отверг это предложение: «Я не губернатор провинции. Для короля это не продвижение, а перед Провидением все равны. С каким лицом я пойду требовать клятву верности от другого народа, если не останусь верным тем, ради которых принял Голландию, когда всходил на трон?»⁶⁶ В конечном итоге испанский трон достался Жозефу, бывшему королю Неаполитанского королевства, которого в Южной Италии заменил маршал Мюрат, женатый на сестре императора Каролине.

Отбывая в начале апреля 1808 года в Байонну для переговоров с испанскими монархами Карлом IV и Фердинандом VII, Наполеон I дал соответствующие инструкции архиканцлеру империи Камбасересу относительно рождения ребенка Гортензии и Луи⁶⁷. И надо сказать, что архиканцлер в точности исполнил все указы императора. Он неустанно следил за всем, что происходило в доме на улице Серютти, и вечером засвидетельствовал рождение ребенка.

Убедившись, что новорожденный прожил несколько часов после родов, в пять часов вечера 20 апреля камергер Гортензии Вильнёв и камергер короля Луи Билонд-Пальстеркамп покинули Париж и направились соответственно в Байонну и Амстердам, чтобы проинформировать Наполеона I и короля Луи о рождении голландского принца. Новость о рождении ребенка вызвала повсеместно бурную радость. Поскольку родился не только принц у голландской королевской четы, но и принц империи, Наполеон I отдал приказ об артиллерийском салюте, который вначале был произведен в войсках на границе с Испанией, а потом и на всей территории огромной империи от Дуная до Атлантики, от Северной Германии до Южной Италии. В Амстердаме торжественно прошли войска и состоялись массовые гулянья. Весь город был в праздничной иллюминации, и в Париж отправились посыльные с поздравлениями и пожеланиями скорейшего возвращения королевы с принцем в Голландию.

В письме от 23 апреля из Бордо Гортензию поздравила мать: «Я, моя дорогая Гортензия, просто переполнена радостью. Новости о твоём счастливом разрешении от бремени мне вчера принес господин де Вильнёв. Я почувствовала, как бьется сердце, в тот момент, когда увидела его, но я надеялась, что он принес только хорошие вести, и предчувствия не обманули меня. Я знаю, что Наполеон Луи успокоится из-за того, что не имеет сестры, и он уже очень любит своего брата. Обними их обоих за меня»⁶⁸.

Наполеон I отправил Гортензии сообщение, в котором, в частности, написал: «Слышал, что Вы счастливо разрешились от бремени мальчиком. Это вызвало у меня величайшую радость. Я сейчас хочу быть уверенным, что Вы хорошо себя чувствуете»⁶⁹. Несмотря на все добрые пожелания, король Голландии был не в духе. У него были мрачные предчувствия относительно ребенка и намерений императора, что и нашло отражение в его письме к жене от 24 апреля 1808 года: «Я умолял Мамá [Летицию] и просил г-жу де Бауберс дать точные сведения о Вашем здоровье. Надеюсь, они скоро расскажут мне о Вашем полном выздоровлении. Я прошу Вас, когда де Вильнёв вернется, дать мне знать, что написал Император. Я желаю, чтобы маленький был крещен, но чтобы он был торжественно крещен здесь. Однако я подчиняю свои желания Вашим и воле Императора. Прощайте, Мадам!»⁷⁰

⁶⁵ Кастело А. Наполеон. М.: Центрполиграф, 2010. С. 174.

⁶⁶ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 57.*

⁶⁷ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 16.*

⁶⁸ John S.C. Abbott. *The History of Napoleon III. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 24–25.* См. также: Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 60–61.*

⁶⁹ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 59.*

⁷⁰ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 34.*

Тяжелые роды и первые часы жизни младенца убедили Гортензию, что она и ребенок не смогут пережить первые несколько суток. Она не скрывала свои мрачные мысли от окружающих. Правда, многие усомнились в ее словах. Они утверждали, что королева Голландии сочинила всю эту историю, чтобы подкрепить свои утверждения, что малыш появился преждевременно и он сын короля Луи⁷¹. Как мы еще раз убеждаемся, все разговоры и сплетни вокруг рождения третьего сына в голландской королевской семье имеют весьма давнюю историю, буквально с первых минут жизни будущего президента и императора Франции.

В соответствии с законодательством Первой империи, любой родившийся ребенок должен был пройти процедуру регистрации. При этом к моменту регистрации он должен был иметь имя. В случае с третьим сыном голландской королевской семьи все было не так. По заведенному порядку право давать имя рожденному в такой семье принадлежало только императору. Однако Наполеон I в это время находился на испанской границе и из-за своей занятости не смог сделать это в течение шести недель. Новорожденный именовался просто как «голландский принц»⁷².

Только 2 июня 1808 года Камбасерес, появившийся в доме на улице Серютти, объявил, что император отдал распоряжение назвать малыша Шарлем Луи Наполеоном. Однако имя «Шарль», как говорит Бреслер, быстро исчезло, и позднее будущий правитель Франции его близкими и друзьями всегда именовался Луи, как того он хотел и сам⁷³. В этой связи король Луи написал старшему брату следующее: «Я с готовностью буду исполнять желания Вашего Величества относительно имени, которое будет дано его сыну»⁷⁴.

Как полагает Ансо, притяжательное местоимение «его», которое было использовано в письме Луи к Наполеону I, свидетельствует о том, что король Голландии был крайне раздражен и находился в плену у слухов о причастности брата к рождению его детей. Возможно, эти слухи целенаправленно распространялись недоброжелателями первого императора французов и в какой-то мере отражали в целом политическую ситуацию с бездетностью Наполеона I⁷⁵. При этом император не спешил опровергать эти домыслы, поскольку, с учетом отсутствия прямых наследников, не раз говорил, что может передать корону детям своих братьев, в том числе и Луи.

Однако отметим, что, какие бы ни ходили разговоры вокруг младшего сына голландской королевской семьи, состояние здоровья младенца действительно оставляло желать лучшего. Гортензия смогла достаточно быстро восстановиться после родов, но малыш был очень слабым. Она продолжала беспокоиться о здоровье сына еще несколько месяцев. Весной королева уволила кормилицу и заменила ее новой, мадам Буре, которую сама же и нашла в маленькой деревне. Живая и привлекательная маленькая брюнетка оказалась прекрасной кормилицей и замечательной воспитательницей. Она сохранила верность Луи Наполеону до конца своей жизни. Выбор ее в качестве няни одобрил сам император.

Благодаря заботам мадам Буре малыш, на радость матери и окружающим, стал гораздо крепче и к концу августа был достаточно здоров, чтобы пройти вакцинацию без каких-либо последствий. Что интересно, что собственный сын мадам Буре – Пьер Буре, поделившийся с Луи Наполеоном молоком своей матери, впоследствии станет верным другом и сторонником своего молочного брата, который во времена Второй империи назначит его казначеем императорской семьи.

⁷¹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 17.

⁷² Там же. P. 18.

⁷³ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 33–34.

⁷⁴ Eric Anceau. *Napoléon III*. Editions Tallandier. Paris, 2012. P. 12–13.

⁷⁵ Там же. P. 13. См. также: Pierre Milza. *Napoleon III*. Perrin. Paris, 2007. P. 16–17.

Всю весну и лето 1808 года король Луи настойчиво звал Гортензию вместе с сыновьями приехать в Голландию. За помощью он обратился к императору и матери. Император не ответил, а мадам Летиция не могла повлиять на невестку. Вскоре Луи понял, что королева не собирается возвращаться, и тогда стал требовать прислать к нему старшего сына, Наполеона Луи. В письме от 23 августа 1808 года король Голландии написал следующее: «Я провел зиму без него. Я один, абсолютно один... Мадам, Вы насмехаетесь! Ваша совесть позволяет не допустить отправки сына к отцу?! Разве его брат не с Вами, разве Вы не в Париже, в окружении своих друзей и семьи, без моих страданий и моих болезненных обязанностей?»⁷⁶. Однако Гортензия либо игнорировала письма мужа, либо отвечала, что приедет позже. В конечном итоге Наполеон Луи не отправился к отцу в Голландию.

С осени 1808 года отношения между королем Голландии Луи и Наполеоном I обострились. Политика неисполнения губительных для королевства норм Берлинского декрета о континентальной блокаде привела к ответной реакции со стороны Парижа. В сентябре того же года император ввел эмбарго на всю торговлю между Францией и Голландией. Для небольшой страны, которая всецело зависела от торговли и экономических отношений со странами, обладавшими большими рынками, это было катастрофой. Король был вынужден капитулировать и согласиться в качестве условия отмены эмбарго на то, чтобы французские официальные лица были размещены в Голландии с полномочиями арестовывать и наказывать голландцев, нарушавших Берлинский декрет.

Все это время старший сын короля продолжал оставаться в Париже. В марте 1809 года Наполеон I, не поставив заранее в известность брата, сделал Наполеона Луи великим герцогом Герцогства Берг в Германии и одновременно, в соответствии с законодательством об императорской семье, назначил Гортензию опекуном мальчика⁷⁷. Не надо особо говорить, как эти решения императора были болезненно восприняты королем Голландии, и он запомнил это надолго.

Луи Наполеон и его брат жили вместе с матерью в Париже. Когда Луи понял, что Гортензия не собирается возвращаться с детьми в Голландию, это еще больше их отдалило. Говоря о взаимоотношениях короля и королевы, смею предположить, что они сыграли свою роль в отношении населения королевства к Гортензии. Дело в том, что в Голландии с симпатией относились к королю, но, увы, недолюбливали королеву: голландцы не одобряли ее пренебрежительного отношения к их стране. Насколько обоснована была эта народная нелюбовь? Трудно однозначно ответить на этот вопрос. Полагаю, что здесь сыграла свою роль драма личных отношений между Гортензией и Луи. Король перенес ее и на государственные дела. Имеются сведения, что он запрещал жене появляться на публике, участвовать в различных мероприятиях и потребовал, чтобы ее имя вычеркнули из патронажных списков всех голландских благотворительных организаций, куда она записалась. При других, счастливых, обстоятельствах семейной жизни, полагаю, Гортензия смогла бы стать достойной королевой для своих подданных.

Что касается императора, он выказывал недовольство королем Голландии, который не желал слепо выполнять приказы из Парижа, выговаривал брату за неумение найти общий язык с женой и устроить семейную жизнь. Гортензии же он всячески благоволил, разрешал приводить племянников к себе и, когда была возможность, с удовольствием проводил с ними время, играл и занимался. Рядом с его обеденным столом постоянно находился небольшой столик для племянников. При этом Наполеон I следил за состоянием их здоровья и воспитанием. Любое нарушение установленных им порядков строго пресекалось. Так, весной 1809 года он находился в Германии (начиналась новая война с Австрийской империей), а Гортензия вместе с малышами поехала на воды в Баден. 29 мая император написал из Эберсдорфа следу-

⁷⁶ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 19.

⁷⁷ Там же. P. 20.

ющее письмо: «Дочь моя, я очень недоволен, что вы позволили себе покинуть Францию без моего разрешения, и особенно тем, что вывезли моих племянников из Франции. Поскольку вы находитесь на водах Бадена, можете там остаться, но в течение часа после получения этого письма отправьте двух моих племянников в Страсбург, поближе к императрице. Они никогда не должны покидать Францию.

Впервые у меня есть основания быть недовольным вами: вы не можете распоряжаться моими племянниками без моего разрешения. Вы должны понимать весь вред, который может быть причинен им. Поскольку воды Бадена полезны для вас, вы можете остаться там на несколько дней, но я повторяю – не задерживая ни на мгновение, отправьте моих племянников в Страсбург. Если императрица поедет на воды в Пломбьер, они могут сопровождать ее там; но они никогда не должны переходить Страсбургский мост»⁷⁸.

Мать Гортензии, императрица Жозефина, узнав о недовольстве императора, посоветовала дочери написать письмо, в котором следовало объяснить, что мальчики постоянно находятся в Страсбурге и в Баден приехали лишь на несколько дней проведать мать. В конечном итоге Наполеон I официально издал распоряжение, в котором детям Гортензии запрещалось покидать территорию Франции⁷⁹.

Осенью 1809 года отношения между королем и королевой Голландии разладились окончательно. В ноябре Луи приехал в Париж на семейный совет для решения вопроса о разводе Наполеона I и Жозефины. И хотя должны были обсуждаться дела Наполеона I, эта поездка в столицу империи не сулила королю ничего хорошего. Ему предстояло объясниться с братом по вопросу о политике, проводимой королевством, о невыполнении Голландией предписаний имперского правительства относительно континентальной блокады, а также о своей личной жизни.

Однако отношения с супругой были испорчены до такой степени, что Луи не остановился на улице Серютти, а все время жил у своей матери, мадам Летиции. Это обстоятельство не могло не радовать Гортензию, но ценой относительного спокойствия стало то, что она была вынуждена каждый день отправлять мальчиков к отцу. Однажды Луи Наполеон заболел и остался дома. Недоверие супругов дошло до того, что король, не удовлетворенный объяснениями жены, специально приехал к ней, чтобы у постели младшего сына удостовериться в его болезни.

Может быть, в отношении жены Луи и мог вести себя как тиран, но со старшим братом такие номера не проходили. Император сразу предупредил Луи, что не потерпит сопротивления со стороны голландцев: «При первом же оскорблении моего флага или орла я прикажу схватить любое должностное лицо и повесить на ближайшей рее»⁸⁰. В завершение разговора Наполеон I в свойственной ему манере потребовал, чтобы четыре провинции Южного Брабанта, которые были в составе Голландии с XVI века, перешли под контроль Франции. Взамен император предложил передать королевству территорию в Германии. Луи категорически отказался, но впоследствии, разумно рассудив, что находится в Париже в качестве заложника и перед его дверью уже выставлена охрана, постоянно следовавшая за ним, согласился на территориальную экзекуцию своего королевства. После четырехмесячного сопротивления он подписал соответствующий договор, и в качестве награды ему разрешили вернуться в Голландию вместе с Гортензией и Наполеоном Луи⁸¹. Воис тину императорская награда!

Несмотря на то что семья была рядом, король пребывал в депрессии. Французы полностью хозяйничали в стране, и голландские подданные были справедливо недовольны. Эконо-

⁷⁸ John S.C. Abbott. *The History of Napoleon III*. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 27. См. также: Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III*. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 67–68.

⁷⁹ John S.C. Abbott. *The History of Napoleon III*. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 27.

⁸⁰ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 20.

⁸¹ Там же. P. 21.

мика, которая за последние годы и так была в состоянии глубочайшей стагнации, постепенно приближалась к точке замерзания. Некогда богатейшие торговые компании и дома влачили жалкое существование. Зброшенные доки и одинокие вымпелы, заходившие в голландские порты, становились объектом пристального внимания французских инспекторов. По всему побережью запылали костры, уничтожавшие конфискованные товары. От процветания былых времен не осталось и следа. Неустроенность воцарилась на улицах городов и деревень. Бедность стала привычной обыденностью голландцев.

В середине декабря 1809 года было объявлено, что Наполеон I и императрица Жозефина расстаются, и чуть позднее – о браке между императором и дочерью австрийского императора Франца I, Марией-Луизой. К слову сказать, Мария-Луиза приходилась внучатой племянницей французской королеве Марии Антуанетте, в свое время также бывшей австрийской принцессой, которая была казнена в революционном Париже в 1793 году.

Это было политическое решение императора французов, поскольку Жозефина не могла родить наследников, что ставило под сомнение жизнеспособность Первой империи в долгосрочном плане. Родство же с домом Габсбургов позволяло легитимировать клан Бонапартов в глазах европейской аристократии, получить потомство, узаконить территориальные и имущественные приобретения Французской империи и завершить (как это представлялось Наполеону I) многолетнюю борьбу с Австрией.

Развод императора с Жозефиной был с нескрываемым удовлетворением встречен всеми членами семейства Бонапартов. Они так и не смирились с тем, что Жозефина была женой Наполеона и императрицей. С другой стороны, это было тяжелое решение для Жозефины и ее детей – Евгения и Гортензии. «Жертвоприношение было делом решенным, оставалось его совершить», – напишет позднее Гортензия⁸². Жозефина сохранила титул императрицы и поселилась в оставленной ей по условиям развода усадьбе Мальмезон, где она жила, окруженная своим прежним двором. В отношении Евгения и Гортензии изменений не произошло, и император продолжал относиться к ним как к своим детям.

1 апреля 1810 года в Париже состоялся торжественный обряд венчания Наполеона I и Марии-Луизы. Во Франции появилась новая императрица.

В личной жизни короля Голландии после возвращения из Франции улучшений не намечалось. Хотя впервые за три года в страну вернулась королева, она пробыла там только шесть недель. Гортензии не нравился Амстердам и старая ратуша, где она с сыном была вынуждена жить. Ратушу она находила жуткой и темной. Амстердам ей претил даже больше Гааги, где она бывала раньше⁸³. Жизнь рядом с нелюбимым мужем (они перестали даже разговаривать между собой) и непостоянная погода доводили ее до сумасшествия, и в начале июня 1810 года она уехала на воды в Пломбьер. Как оказалось, навсегда, больше она никогда не увидит Голландию. Наполеон Луи в это время оставался с отцом. Правда, ненадолго.

Независимости Голландии, даже номинальной, пришел конец. Три недели спустя Наполеон I под предлогом того, что голландцы оскорбили кучера французского посла, приказал императорским войскам занять все королевство⁸⁴. Луи, предчувствуя, что дело движется к оккупации страны и он не в состоянии чем-либо помочь своим подданным, стал заранее готовиться к неизбежному. Как говорит Стэктон, «Луи решил доставить брату максимум неприятностей единственным доступным ему способом – провозгласил себя жертвой тирании брата. Он уже некоторое время строил планы мести, действовал тайно и с осторожностью. Король переправил свои драгоценности из страны, потихоньку продал всю недвижимость, вытянул десять тысяч золотых франков из Государственного банка. 3 июля 1809 года он разослал три

⁸² Кастело А. Жозефина. Императрица, королева, герцогиня. Кн. 2. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 210.

⁸³ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 21.

⁸⁴ Там же.

документа: первый – свое отречение в пользу сына, Наполеона Луи, или, в случае неудачи, Луи Наполеона; второй – протест против действий брата в качестве императора; и третий – обращение к голландскому народу. Потом сел ужинать.

Той ночью, в одиннадцать часов, в переулке перед его убежищем в Харлеме остановилась карета, и, оставив любимого сына, но взяв любимую собаку – дворняжку, Луи пустился в бега. Что интересно, по дороге к карете он упал в канаву, но его это не остановило. Ему было хорошо. На одной из стоянок собаку задавила карета. На рассвете он уже приближался к немецкой границе. После этого никто из окружения императора не знал о его передвижениях. Только через две недели стало известно, что он, как обычно в трудные времена, отправился на воды – на этот раз в Теплице, Богемия, на австрийской территории.

К его досаде, отречение означало, что Гортензия станет регентом Голландии, пока страну не захватит Наполеон. Правда, ее правление длилось не больше недели, да и в стране ее не было. Наконец-то, в двадцать семь лет, Гортензия, которой Наполеон пожаловал поместье Сен-Лё (Луи в письме запретил ей принимать этот дар, но она благоразумно его проигнорировала), получила свободу и могла жить, как ей хочется»⁸⁵. К этим словам британского историка добавим, что в обращении к своим подданным он «просил смириться с волей Императора, чьи солдаты входят в пределы страны»⁸⁶. Скорее всего, им ничего другого и не оставалось. И все же голландцы сохранили теплые воспоминания о своем короле, который, несмотря на все душевные переживания и телесные недуги, оказался неплохим монархом, по меркам начала XIX века очень даже неплохим, с учетом того, что он был иностранцем. Луи не по своей воле стал править страной, но принял ее всей душой.

Император был в Сен-Клу, когда ему доставили из Голландии депешу с актом отречения Луи Наполеона I просто взбесило поведение брата, и он разорвал акт отречения. Вслед за этим он разразился гневной тирадой в адрес Луи, припомнив все то добро, которое он ему сделал. «Я воспитывал его на свое грошовое жалованье артиллерийского лейтенанта, – кричал Наполеон I. – Я делил с ним хлеб и единственный матрас на постели. Куда он уехал?»⁸⁷. Немного остыв и обратившись к Наполеону Луи, император сказал, что поведение короля Голландии огорчило его, но это следствие исключительно болезни Луи.

Когда выяснилось, куда подевался Луи, Наполеон I обратился к нему с требованием вернуться обратно во Францию. Однако Луи отказался это сделать. Тогда император немедленно дал согласие на раздельное жительство супругов, передал все имущество и доходы брата на французской территории в пользование Гортензии и ее сыновей, оставил за ней все привилегии королевы, пожаловал поместье Сен-Лё⁸⁸. Таким образом, Гортензия получила дополнительно в год доходов на три миллиона франков, а также еще 500 тысяч франков за старшего сына, Наполеона Луи, и 250 тысяч франков за Луи Наполеона. Кроме того, как мы помним, она была фактически хозяйкой герцогства Берг. В соответствии с имперским декретом, Гортензия стала называться не «Королевой Голландии», а «Королевой Гортензией», а ее сыновья Наполеон Луи и Луи Наполеон – соответственно «Герцог Берг» и «Принц Луи Наполеон»⁸⁹.

Можно только себе представить, с какой радостью восприняла все эти изменения Гортензия. Она стала свободной женщиной с королевским статусом и такими же королевскими доходами. К этому времени она весьма активно общалась с 24-летним офицером-красавцем Шарлем де Флао, который был внебрачным сыном бывшего министра иностранных дел Франции Шарля Мориса Талейрана. От этой связи осенью 1811 года у Гортензии тайно родился маль-

⁸⁵ Стэктон Д. Бонапарты: от императора до наших дней. М.: Захаров, 2012. С. 17–18.

⁸⁶ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 66.*

⁸⁷ Кастело А. Жозефина. Императрица, королева, герцогиня. Кн. 2. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 269.

⁸⁸ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 22.*

⁸⁹ Там же.

чик, Огюст Шарль. Несмотря на завесу секретности, которой Гортензия и де Флао пытались окружить это событие, император по каналам тайной полиции хорошо был обо всем информирован.

Гортензия Богарне с детьми (Наполеон Луи и Луи Наполеон).
Художник Ф. Жирар, 1811

При регистрации младенца 21 октября 1811 года в III округе Парижа его родителями были записаны офицер Огюст Жан де Морни и его жена Эмили Корели⁹⁰. Императору не нравилась вся эта история с младенцем. Он был в гневе от поведения офицера своей армии и приказал де Флао срочно удалиться из Парижа. К Гортензии же он проявил снисходительность и не стал акцентировать внимание на этом событии и предавать его огласке. Императрица Жозефина до конца своей жизни так и не узнала о наличии еще одного внука⁹¹. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что Наполеон III узнал о наличии единоутробного брата только через много лет после смерти своей матери из ее оставшихся записей. Огюст войдет в историю под именем герцога де Морни и сыграет огромную роль в жизни своего брата и всей Второй империи.

Что же происходит с маленьким Луи Наполеоном? Где же он? Большею частью в Париже, на улице Серюгги, но иногда его вывозят в Тюильри, Сен-Лё, Сен-Клу, Фонтенбло и Мальмезон. Гортензия в свое время прошла хорошую школу обучения в пансионе мадам Кампан (напомню, когда-то Кампан была фрейлиной королевы Марии Антуанетты), поэтому она достаточно деятельно и со знанием дела подошла к воспитанию и обучению своих сыновей. Мальчиков держали в строгости и умеренности; поблажек, которые присуще давать детям коронованных особ, она пыталась не допускать. Гортензия, как и другие сторонники бонапартизма, полагала, что аристократия времен Первой империи в корне отличается от дворянства и аристократии старой королевской Франции, поскольку она оберегает завоевания революции и у нее неразрывная связь с простым народом. Поэтому вне рамок дворцового этикета и официальных мероприятий она строго-настрого приказала гувернанткам и слугам называть Наполеона Луи просто «Наполеоном», а Луи Наполеона – «Луи» вместо положенного «Ваше королевское высочество»⁹².

Гортензия назначила госпожу де Бауберс главной гувернанткой принцев, а госпожу де Бушпорн и де Мейл-Курнель – гувернантками. Постоянно с Луи Наполеоном была его кормилица, мадам Буре. От королевы к мальчикам перешла любовь к музыке, художествам и другим искусствам. Живости ума, настойчивости в достижении поставленной цели, хорошим манерам и этикету они также были обязаны своей матери. По заведенному распорядку, если королеву Гортензию не посещали гости или различные посетители, она проводила утро с сыновьями. Во второй половине дня королева, как правило, старалась гулять с ними на свежем воздухе. Королева воспитывала принцев в духе уважения к солдатам, которые воевали во славу императора и Франции. Недалеко от поместья Сен-Лё находилась школа-пансион *Collège Écouen* для детей-сирот, чьи отцы погибли на полях сражений. Гортензия была покровительницей этого пансиона и часто брала сыновей с собой, когда посещала школу.

Император также проявлял большой интерес к воспитанию племянников, в свободное время часто разговаривал с ними, пытаясь определить, насколько хорошо они развиваются. Он также принял самое деятельное участие в составлении планов и программ обучения мальчиков. При этом император иногда делал такие вещи, которые трудно было объяснить. Както в Тюильри он, обхватив руками головы мальчиков, перенес их поочередно с одного места на другое. Это был очень опасный трюк, который вызвал ужас и справедливое негодование со стороны Гортензии⁹³. Этот случай запомнился Луи Наполеону на всю жизнь. Однако самым ранним воспоминанием было крещение, которое 4 ноября 1810 года в часовне Фонтенбло про-

⁹⁰ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 55.

⁹¹ Там же. P. 55–56.

⁹² Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 24.

⁹³ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III*. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 71.

вел кардинал Феш. Крестным отцом был сам Наполеон I, а крестной матерью – вторая жена императора, Мария-Луиза⁹⁴.

Наиболее теплые воспоминания у будущего императора сохранились о времени, проведенном у бабушки, императрицы Жозефины, в Мальмезоне. Вот небольшой отрывок из воспоминаний, продиктованных уже в конце жизни Наполеоном III: «Я до сих пор вижу, как императрица Жозефина в своем салоне на первом этаже осыпает меня ласками и льстит моему самолюбию, старательно повторяя мои удачные словечки. Бабушка баловала меня в полном смысле этого слова, а вот мать, напротив, с самых юных моих лет старалась исправить недостатки и развить достоинства. Помню, как по приезде в Мальмезон нам с братом разрешали вытворять все, что в голову взбредет. Императрица, самозабвенно любившая свои теплицы и растения, позволяла нам срезать сахарный тростник и сосать его и все время твердила, чтобы мы просили всего, чего захотим. Однажды, в канун какого-то праздника, она вновь повторила свои слова, и мой брат, который был на три года старше и, следовательно, разумней меня, попросил у нее часы с портретом нашей матери. А я, когда императрица сказала: “Луи, проси то, что тебе всего приятней”, попросил позволения побегать босиком с уличными мальчишками. И пусть мое желание не сочтут смешным: во Франции, где я жил до семи лет, одним из самых моих больших огорчений было то, что я всегда выезжал в город в карете четверкой или шестеркой... Как это бывает со всеми детьми, а может быть, еще сильнее, мои взгляды и помыслы притягивали солдаты. Когда в Мальмезоне мне удалось улизнуть из гостиной, я бежал на большую террасу, где стояли на часах два гренадера. Как-то раз из окна первой передней на первом этаже я заговорил с одним из старых ворчунов, охранявших свой пост. Часовой, знавший, кто я, отвечал, смеясь от всего сердца. Я отлично помню, что сказал ему:

– Я тоже хочу побывать на учении – у меня же есть маленькое ружье.

Тут гренадер велел мне подавать команды, и я начал:

– К ноге! На караул! На ру-ку!

Гренадер же, чтобы доставить мне удовольствие, выполнял мои приказы. Легко представить себе, в какой я пришел восторг. Чтобы выразить солдату свою признательность, я бросился туда, где лежали приготовленные для нас бисквиты. Схватил один, вернулся и сунул его в руку гренадеру, который со смехом взял его, так что я был совершенно этим упоен, полагая, что в самом деле осчастливил вояку»⁹⁵.

Можно только представить, какими грустно-счастливыми глазами смотрела бывшая императрица на проделки внуков. Всю оставшуюся нерастраченную любовь и нежность она всецело отдавала им, не представляя, что жизнь отпустила ей уже совсем немного времени. Жозефина с удовольствием брала к себе внуков, поскольку дочь часто отлучалась на воды либо путешествовала. Маленького Луи Наполеона она любила ласково называть *Oui-Oui* («Да-Да»). Так, летом 1813 года в одном из писем дочери, которая находилась на водах в Экс-ле-Бен, императрица поведала следующее: «Я должна рассказать о прелестном ответе маленького *Oui-Oui*. Аббат Бертран (первый учитель Луи Наполеона. – *Прим. авт.*) дал ему читать басню, где речь идет о метаморфозе. Попросив объяснить, что означает это слово, мальчик сказал аббату:

– Я хотел бы превратиться в птичку и тут же улететь с вашего урока, но вернулся бы к приходу господина Хазе (учитель немецкого. – *Прим. авт.*).

– Однако, принц, – ответил аббат, – ваши слова не очень лестны для меня.

– Нет, – возразил *Oui-Oui*, – я ведь про урок, а не про вас говорил.

⁹⁴ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 48. См. также: Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III*. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 69.

⁹⁵ Кастело А. Жозефина. Императрица, королева, герцогиня. Кн. 2. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 321–322. См. также: Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III*. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 70–71.

Не кажется ли тебе, как и мне, что возразил он очень умненько? Невозможно выпутаться из затруднения тоньше и изящнее»⁹⁶.

Как-то императрица решила побаловать мальчиков подарками и выписала из Парижа два автомата в виде золотых кур, несущих серебряные яйца. Она подарила их обоим внукам и предупредила дочь: «Я подарила их от твоего имени, сказав, что они присланы из Экса»⁹⁷. В другом письме Жозефина писала, что «они отменно здоровы, выглядят исключительно свежими и бодрыми. Маленький *Oui-Oui* по-прежнему ласков и приветлив со мной. Третьего дня, когда г-жа де Таше уезжала к мужу на воды, он сказал г-же де Бушпорн: “Она, наверно, очень любит мужа, раз уезжает от бабушки”. Не правда ли, очаровательно? В тот же день он ходил на прогулку в лес Бютар и, как только очутился на главной аллее, бросил шляпу в воздух с криком: “Ах, как я люблю природу!” Не проходит дня, чтобы тот или другой не порадовал меня своей ласковостью. Они оживляют все, что вокруг меня; суди сама, какую радость ты мне принесла, оставив их со мной»⁹⁸.

Примерно к этому времени относится характеристика Луи Наполеона, которую ему дала Гортензия Лакруа. По ее мнению, он унаследовал капризность своего отца и манеры матери: «Он был прелестным ребенком, кротким, как ягненок, нежным, ласковым, щедрым (он даже отдавал свою одежду любому, кто в ней нуждался), умным, смышленным, чувственным, словно девушка, но легко сбиваемым с толку и интеллектуально ленивым... У него не было следов высокомерия, и он, безусловно, бросился бы в объятия первого же человека, которого встретил, подавляя его ласками сверх меры или разума таким образом, что люди должны были бы сказать, что у него теплое и любящее сердце. Но в этом ничего не было: он тотчас забыл бы про вас, как только вы исчезли из его поля зрения»⁹⁹.

По словам Томсона, «он был мечтательным ребенком, восприимчивым и впечатлительным, но при этом безмерно скрытным. Когда его брат сказал, что хочет стать солдатом, Луи заявил о своем желании продавать цветы, подобно мальчику у дверей Тюильри. Его бабушка, Жозефина, которая любила свой сад, сделала из него своего любимчика; его первый учитель, аббат Бертран, разрешил ему уваливать от проводимых им занятий, а друзья его матери могли позволять ему все, когда “он поворачивался к ним со своим светло-голубым тусклым взглядом, полным нежности и доброты”»¹⁰⁰.

К весьма любопытным чертам характера маленького Луи Наполеона, которые были подмечены окружающими, стоит добавить, что с раннего детства он не имел возможности видеть своего отца и наибольшее влияние в процессе воспитания на него оказывали мать, бабушка и гувернантки. Можно утверждать, что в определенной степени в его детстве преобладало женское начало.

* * *

В то время как Луи Наполеон и его брат подрастали, в жизни Франции и Европы продолжали происходить важные события. Наполеон I достаточно успешно с помощью армии побеждал врагов на континенте, но борьба с Великобританией приобрела характер войны на истощение. Континентальная блокада потребовала огромного напряжения сил. В ответ на усилия французской администрации по недопущению на континент британских товаров мощный британский флот заблокировал европейское побережье, вынуждая население испытывать недоста-

⁹⁶ Там же. С. 321. См. также: John S.C. Abbott. *The History of Napoleon III*. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 28.

⁹⁷ Там же. С. 321.

⁹⁸ Там же. С. 323.

⁹⁹ James M. Thompson. *Louis Napoleon and the Second Empire*. The Noonday Press, New York, 1955. P. 7–8.

¹⁰⁰ James M. Thompson. *Louis Napoleon and the Second Empire*. The Noonday Press, New York, 1955. P. 8.

ток в колониальных и промышленных товарах. Многие во Франции и других европейских странах были недовольны политикой императора и всячески старались обойти континентальную блокаду. Наполеон же, по словам Тюлара, демонстрировал полную неспособность бороться с процветавшей на побережье контрабандой. Для укрепления таможенного контроля ему пришлось аннексировать Анкону, провинции, управляемые папским легатом, Парму, Плезанс, Тоскану, Папскую область и Иллирийские провинции, включая Триест, которые по Венскому договору 1809 года перешли во владение Франции. Сенатус-консультом, присоединившим в 1810 году к Франции Голландию, в состав империи были включены: часть Великого герцогства Бергского, два Сальмских княжества, герцогство Ольденбургское, значительная часть королевства Вестфалии и три ганзейских города – Гамбург, Любек и Бремен, образовавших соответственно три новых департамента: Верхний Эмс (Оснабрюк), Нижний Везер (Бремен) и Нижняя Эльба (Гамбург)¹⁰¹.

«Останься на Северном море хоть один город, согласный торговать с Англией, поток товаров с переполненных складов Гельгоlanda наверняка затопил бы континент», – разъярял Шампаньи¹⁰². Чтобы покончить с нелегальным поступлением товаров из Швейцарии, Наполеон в ноябре 1810 года оккупировал Тессен и Валез. Эта закономерно вспыхнувшая в результате континентальной блокады эпидемия аннексий всколыхнула всю Европу. Она усугубила нестабильность положения на континенте и нанесла ущерб наполеоновской политике в Германии, подорвав авторитет королей – ставленников императора. На европейских монархов, в том числе и на русского царя, которому герцог Ольденбургский приходился шурином, аннексии действовали, как красная тряпка на быка. Быстрое увеличение количества департаментов настораживало даже французов, обеспокоенных будущим страны, непомерно расширявшей свои естественные границы.

* * *

Статус детей Гортензии изменился с 20 марта 1811 года, когда в Тюильри у императора и Марии-Луизы родился долгожданный сын. Мальчика назвали Наполеоном, и он был провозглашен «королем Римским»¹⁰³. Это был прямой и основной претендент на императорскую корону, и в честь этого события по всей империи был произведен артиллерийский салют.

В отличие от Луи Наполеона, крещение короля Римского происходило в торжественной обстановке в соборе Парижской Богоматери¹⁰⁴. При этом, хотя император и показывал всем, что у него есть наследник, он продолжал хорошо относиться к детям Гортензии и уделять им время.

* * *

Борьба с Англией и континентальная блокада стали просто навязчивой идеей императора французов. Правда, победа в этой борьбе, словно линия горизонта, постоянно уходила дальше и дальше, требуя все новых и новых усилий и жертв. Несоблюдение Российской империей условий континентальной блокады и нарастание противоречий с этой страной в целом привели Наполеона I к решению о проведении военной кампании. В мае 1812 года император отправился в Германию, и в июне началась война с Россией. Начало военных действий окончательно вывело Россию из режима континентальной блокады и состояния войны с Велико-

¹⁰¹ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2012. С. 289–290.

¹⁰² Там же. С. 290.

¹⁰³ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 55.

¹⁰⁴ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 22.

британией, что и было подтверждено мирным договором между двумя государствами 18 июля 1812 года в городе Эребру (Швеция).

Поход великой армии Наполеона I в Россию закончился катастрофой. По разным сведениям, в пределы Российской империи вторглось от 610 до 630 тысяч солдат и офицеров, а обратно перешло границу не более 40–60 тысяч. 18 декабря 1812 года император спешно прибыл в Париж. Утаивать то, что произошло в России, уже не имело смысла. В конце декабря 1812 года для французов совершенно неожиданно открылась правда о провале похода на Восток. Первейшей задачей императора стало формирование новой армии. Однако, как показали дальнейшие события, колоссальные потери в России оказались невозможными.

Бывшие союзники Франции в войне с Россией (Пруссия, Австрия) присоединились к российской армии, которая в начале 1813 года перенесла боевые действия на территорию Великого Герцогства Варшавского и Пруссии. В ходе боевых действий в Центральной Европе к союзникам присоединились также Великобритания, Швеция и, позднее, Вюртемберг и Бавария, а на Пиренейском полуострове против французов сражались Испания, Португалия и Англия.

15 апреля 1813 года Наполеон I выехал из Парижа к вновь сформированной армии в Майнц. В мае того же года в Пруссии и Саксонии он одержал несколько побед, но в грандиозном сражении 16–19 октября под Лейпцигом (известном как «Битва народов») потерпел тяжелое поражение и был вынужден с остатками армии отступить на территорию Франции. К концу 1813 года союзные войска подошли к Рейну. С юга из Испании к границам Франции подошли британские и испанские войска под командованием герцога Веллингтона. 14 ноября 1813 года император вернулся в Тюильри. Ситуация была критической.

По мере расширения участников антифранцузской коалиции и военных поражений Наполеона I империя все больше продолжала распадаться. Посыпались короны ставленников императора. Бывший король Голландии Луи проживал в Граце (Австрия), но считал необходимым в такой момент помочь брату. Он предложил императору отправиться в свое бывшее королевство и поднять голландцев на защиту империи¹⁰⁵. Ситуация в бывшем независимом королевстве была непростой. Голландцы с удовлетворением восприняли новости о поражении Франции в России в 1812 году (выходцы из королевства были в составе великой армии и участвовали в походе на Россию) и в кампании 1813 года. Голландцы рассчитывали на скорое освобождение своей страны от французов. Принц Оранский, Вильгельм (Виллем), призывал соотечественников присоединиться к антифранцузской коалиции и добиваться независимости. Союзники также рассчитывали на помощь со стороны голландцев.

В этих условиях намерения Луи поднять Голландию на борьбу за империю не нашли отклика как у императора, так и, естественно, у принца Оранского. Вскоре на территорию Голландии вступили союзные войска. 30 ноября 1813 года в Схевенингене высадился принц Оранский и 1 декабря, приветствуемый народом и временным правительством, торжественно въехал в Амстердам. К середине декабря 1813 года вся территория Голландии была освобождена.

Тогда Луи решил ехать во Францию. 1 января 1814 года он появился в Париже. Наполеон I принял его тепло и разрешил остаться, но особых полномочий в борьбе с врагами не предоставил. Неожиданное возвращение мужа стало малоприятной новостью для Гортензии. Она всеми силами старалась избегать его общества. Правда, теперь, в условиях военного времени, это было довольно легко сделать. Он опять поселился у своей матери. Однако Луи смог добиться того, чтобы чаще видеть своих сыновей.

¹⁰⁵ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 28.

* * *

В первый день 1814 года союзные войска перешли Рейн и вступили во Францию. Впервые за много лет со времен Великой французской революции иностранные солдаты шли по французской земле.

С огромным трудом Наполеон I собирал войска. Катастрофические поражения и огромные потери, распад империи, разбросанные по разным европейским крепостям французские войска, переход бывших союзников и родственников в стан врага, экономические неурядицы сказались на боеспособности императорской армии. Соотношение сил было явно в пользу союзников, но император каждый раз отклонял все предложения о мирных переговорах, поскольку не считал нужным соглашаться на какие-либо территориальные уступки и возвращение Франции к довоенным границам. Перешедшей в начале января 1814 года Рейн 250-тысячной армии союзников император смог противопоставить не более 70–80 тысяч солдат. Не хватало самого необходимо – оружия, боеприпасов, обмундирования, провианта, лошадей и т. д.

Рано утром 25 января 1814 года император покинул Париж и выехал к войскам в Шалон. Начиналась знаменитая весенняя кампания 1814 года. С учетом попытки переворота в октябре 1812 года, когда Наполеон I находился в России, было принято решение о регентстве Марии-Луизы и дополнительных полномочиях Государственного совета.

* * *

Все это время Гортензия и ее сыновья находились в Париже. Она продолжала посещать школу-пансионат для детей-сирот в Сен-Лё, оказывала помощь раненым солдатам и офицерам, организовывала сбор средств на военные нужды. Королева распорядилась уменьшить питание для своих сыновей. Мальчики часто болели. Луи Наполеон перенес тяжелое заболевание полости рта и только стараниями своей матери смог превозмочь болезнь¹⁰⁶.

Император обратился к Гортензии с просьбой снова открыть свой салон и организовать несколько вечеров с приглашением Марии-Луизы и других сановников империи. Этим Наполеон I хотел поднять дух в тылу. Несмотря на все трудности, Гортензия исполнила просьбы отчима¹⁰⁷.

Однако в Париж приходили только плохие новости. Иностранная войска наводнили Восточную Францию, с юга продвигались британцы, в стране было неспокойно, активизировались противники императора, практически все молодые мужчины призваны в армию, на улицах было много инвалидов и раненых, наблюдались перебои с продовольствием. Расползались бесконечные слухи, один фантастичней другого. В высших эшелонах власти велись разговоры о необходимости завершения военной кампании, кое-кто откровенно перешел на сторону их противника.

Наполеон I решил не допустить союзников к столице и предпринял тактику молниеносных ударов по союзным войскам. Умело и стремительно перемещая свои войска, он навязывал бои союзникам. Успеху императора способствовало то, что в стане его противников не было согласия и они действовали разрозненно и нерешительно. Император буквально диктовал свою непреклонную волю врагу. Не считаясь с усталостью, плохой погодой, проблемами с провиантом и боеприпасами, французы, зачастую уступая численно, атаковали и атаковали

¹⁰⁶ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 80–81.*

¹⁰⁷ Там же. P. 45.

войска противника. За несколько недель они одержали ряд блестящих побед и на нескольких направлениях отбросили иностранные войска.

Неожиданные успехи Наполеона I усилили разногласия среди союзников. Австрийский главнокомандующий Шварценберг был готов к отступлению. «Я признаюсь, что дрожу, – писал он. – Если Блюхер (командующий прусскими войсками. – *Прим. авт.*), у которого такие же хорошие и столь же многочисленные войска, как у Наполеона, будет разбит, то, я спрашиваю себя, разумно ли принимать сражение. Если и я буду разбит, какой триумф для Наполеона и какое унижение для наших монархов, которые вынуждены будут отступить за Рейн во главе побежденной армии»¹⁰⁸.

Для поддержания духа народа император посылал победные реляции в столицу для опубликования. В них он неизменно заявлял, что отбросит противника за Рейн, естественную французскую границу. «Если мы откажемся от границы по Рейну, – утверждал император французов, – то это означает не только отступление Франции. Это означает наступление Австрии и Пруссии! Франции нужен мир, но тот мир, который ей хотят навязать, принесет ей гораздо больше несчастий, чем война!»¹⁰⁹ Наполеон I стремился всеми силами сохранить в стране лояльность к себе и своему режиму.

Однако с каждым днем таявшая наполеоновская армия не могла на всех направлениях остановить войска противника, которые постоянно получали подкрепления. Подавляющий перевес был у противников императора. Монархи антифранцузской коалиции решили больше не вступать в переговоры с Наполеоном I, а добиваться его безусловного поражения и капитуляции. Они полагали, что прийти к мирному соглашению с императором французов невозможно, поскольку он никогда не согласится на урезание своей власти и территориальные потери. «Надо нанести по режиму Наполеона последний, решительный удар», – заявил австрийский министр иностранных дел Меттерних¹¹⁰. А министр иностранных дел Великобритании лорд Каслри написал, что «Ваш мир, который отбросит Наполеона за его прежние границы, будет на самом деле лишь смехотворным перемирием»¹¹¹.

В тяжелейших условиях, когда Франция уже много лет вела непрерывные войны, потеряла ряд крупных поражений, практически лишилась всех завоеваний в Европе, экономически и демографически была на грани истощения, вела неравную борьбу на своей территории с многочисленным противником, многие, в том числе и ближайшее окружение императора, были готовы пойти на переговоры и капитуляцию.

К двадцатым числам марта 1814 года союзные войска были на подступах к Парижу, а император со своими войсками – в Восточной Франции. Он предполагал отвлечь на себя союзные войска и тем самым отвести от столицы угрозу. Союзники приняли решение, задерживая заслонами войска Наполеона I, форсированным маршем идти на Париж. Развязка была близка.

* * *

В эти трудные времена Гортензия проявила себя как истинный патриот Франции и верный сторонник императора. В то время как, по словам Кастело, многие встали на позорный «путь предательства»¹¹², королева недвусмысленно заявила императрице Марии-Луизе, что необходимо остаться в столице и защищать ее. Бегство в такой момент, по мнению Гортензии, будет иметь отрицательный эффект на гарнизон города, приведет к поражению и потере импе-

¹⁰⁸ История Франции. Том 2. М.: Наука, 1973. С. 166.

¹⁰⁹ Кастело А. Наполеон. М.: Центрполиграф, 2010. С. 423.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Кастело А. Наполеон. М.: Центрполиграф, 2010. С. 442.

раторской короны¹¹³. В ответ Мария-Луиза объявила, что решение об отъезде принято Государственным советом и соответствует наказам императора¹¹⁴.

Чувствуя, что готовится спешный отъезд двора и сдача города, Гортензия попросила графа Рейньо де Сен-Жан д'Анджели передать солдатам столичного гарнизона, что «если они обязуются защищать Париж, то я обязуюсь остаться»¹¹⁵. Через несколько минут он вернулся и сказал, что город скоро займут вражеские войска и необходимо уезжать. «Поскольку я советовал Вашему Величеству остаться, то я сам обязуюсь обеспечить Ваш безопасный проезд», – добавил благородный граф¹¹⁶. Это предостережение было нелишним, поскольку в городе уже было беспокойно и активизировались роялисты.

Утром 29 марта в сторону Рамбуйе из Парижа выехали Мария-Луиза с римским королем и императорский двор. Все это время Гортензию донимал Луи, который хотел уехать из города вместе с ней в одной коляске. Состояние его здоровья уже позволяло передвигаться на лошади. Он уговаривал ее как можно скорее покинуть Париж и, не видя проявления ответных чувств со стороны жены, распорядился слугам следить за домом на улице Серютти¹¹⁷. Но Гортензия, по словам Ридли, гораздо больше хотела убежать от своего мужа, чем от русских и пруссаков. «Мне казалось, что он ждал этого момента, чтобы вернуть свою добычу», – писала она¹¹⁸.

Весь день 29 марта Гортензия вместе с сыновьями провела дома. На всякий случай все находившиеся в нем приготвили к нападению роялистов. Королева решила не испытывать судьбу и покинуть город. В девять часов вечера Гортензия и ее сыновья на нескольких колясках отправились в направлении Версаля, а оттуда в Глатиньи. На подъезде к Версалю Гортензия услышала отдаленный гул канонады.

Городок был переполнен беженцами из Парижа, но королеве удалось найти место для ночлега, где она с мальчиками и заночевала. Рано утром на следующий день ее разбудили и передали записку от коменданта Версаля, в которой он просил королеву как можно скорее покинуть городок, поскольку в ближайшие часы его могли занять союзные войска¹¹⁹. Она спешно разбудила детей, и они отправились в Рамбуйе, куда прибыли вечером 30 марта 1814 года. Там бывший король Вестфалии Жером по секрету сказал ей, что Париж окружен и союзники войдут туда на следующий день. Пребывание в Рамбуйе не принесло облегчения Гортензии. Там она получила гневное письмо от мужа, в котором он обвинял ее в отбытии из Парижа без него¹²⁰. Луи тоже уже был в городе. Встреча с ним никак не входила в ее планы.

Ночью в Рамбуйе поднялась паника – это слуги сообщили, что приближаются казаки. В спешке все начали собирать поклажу и пытаться как можно быстрее выбраться из города. На улицах образовались заторы из тележек, повозок и карет. Мария-Луиза, Луи и императорский двор направились на юго-запад, в сторону Шартра и Блуа. Гортензия же решила отправиться на северо-запад, в Наварру, около Эврё, где уже находилась императрица Жозефина. Как говорит Ридли, Гортензия и ее спутники время от времени меняли направление движения, чтобы избежать встречи с казаками. Как-то, плутая по дорогам лесного массива Рамбуйе, они вдалеке увидели одинокого казака. Всех охватили страх и оцепенение. Убедившись, что он не

¹¹³ Стэктон Д. Бонапарты: от императора до наших дней. М.: Захаров, 2012. С. 69.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 82.* О намерении Гортензии остаться в Париже и защищать город свидетельствует и Дж. Аббот (*John S.C. Abbott. The History of Napoleon III. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 29.*)

¹¹⁶ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 82.*

¹¹⁷ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 29.*

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 30.*

¹²⁰ Там же.

проявляет к ним никакого интереса, кавалькада повозок продолжила свой путь¹²¹. К вечеру они достигли поместья Луйе и на следующее утро, 1 апреля 1814 года, приехали в Наварру, где их радостно встретила обеспокоенная Жозефина.

К этому моменту завершились бои за Париж, и 31 марта в город вступили союзные войска во главе со своими монархами – императорами Александром I, Францем II и королем Фридрихом Вильгельмом III. Наполеон I находился в Фонтенбло.

Он не успел помочь столице. Два месяца беспримерного мужества и самоотверженности не принесли успеха. Перевес на стороне врага был слишком большим. К тому же Франция устала от беспрерывной войны и желала мира.

Это стало прелюдией к столкновению непреклонной воли императора со своим ближайшим военным окружением. Несмотря на всю свою решимость продолжить борьбу, он не мог преодолеть их упорное стремление завершить войну и пойти на договоренности с противником. Если его собственные маршалы и генералы не хотели больше сражаться, а в Париже народ уже давно устал от войны, то император становился единственным препятствием к достижению мира. Это был конец.

В столице Сенат издал декрет о низложении Наполеона I. 4 апреля 1814 года под давлением собственных маршалов Наполеон I написал заявление об условном отречении в пользу своего сына, Римского короля (Наполеона II), под регентством жены Марии-Луизы, однако союзники не приняли предложенные условия отречения. Тогда 6 апреля Наполеон I написал акт отречения за себя и своих наследников от престолов Франции и Италии. В тот же день Сенат провозгласил королем Людовика XVIII. Впервые со времен революции на французский престол возвращались Бурбоны.

11 апреля в Фонтенбло бывший император подписал с представителями союзных армий договор, в котором отказывался за себя и своих родственников от власти во Франции и Италии. Взамен Наполеон I получал в пожизненное управление остров Эльбу в Средиземном море. Ему предоставлялся годовой доход в 2 миллиона франков, Жозефине – 1 миллион, в собственность Марии-Луизы и ее сына передавались герцогства Пармы, Пьяченцы и Гвасталлы. Кроме того, членам семейства Бонапартов гарантировался следующий доход: мадам Летиции – 300 тысяч франков; королю Жозефу и королеве – 500 тысяч; королю Луи – 200 тысяч; королеве Гортензии и ее детям – 400 тысяч; королю Жерому и королеве – 500 тысяч; принцессе Элизе – 300 тысяч и принцессе Полине – 500 тысяч. Принцы и принцессы семьи императора сохраняли за собой все движимое и недвижимое имущество, которым они владели в частном порядке¹²².

Через несколько дней Наполеон I предпринял попытку самоубийства, но она оказалась неудачной. 20 апреля 1814 года в Фонтенбло Наполеон попрощался со своей старой гвардией и отправился на Эльбу.

С небольшим опозданием новости доходили и до Наварры. Хорошим известием стало сообщение, что Жозефина и Гортензия могут распоряжаться своим имуществом. Им причитался и определенный доход. При этом Гортензия попыталась объяснить мальчикам, что теперь они уже не принцы империи, а простые граждане с неопределенным будущим, но это, возможно, самое лучшее, что могло с ними произойти. Они должны проявить терпение и характер. Бывшая королева даже подумывала поехать на родину матери, на Мартинику, где ей не будет докучать муж. Правда, вскоре выяснилось, что его уже нет во Франции. Он из Блуа поехал в Лозанну. Можно только представить, как облегченно вздохнула Гортензия, узнав эту новость.

Через неделю после взятия Парижа, как пишет Ридли, Гортензия получила письмо от принца Леопольда Саксен-Кобургского (будущего короля Бельгии), который был на русской службе и числился в свите императора Александра I. В письме утверждалось, что император

¹²¹ Там же.

¹²² Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 131.

испытывает чувство уважения к ней и ее матери и хотел бы встретиться с ней и ее детьми в Наварре или (что было более предпочтительным вариантом) в Мальмезоне¹²³.

Вначале бывшая королева не считала возможным встречаться с врагом отчима и Франции. Однако после раздумий и уговоров со стороны матери Гортензия решила встретиться с Александром I. Они не поехали напрямую в Париж. Жозефина отправилась в Мальмезон, а Гортензия с детьми – в Рамбуйе.

Во второй половине дня 16 апреля 1814 года Гортензия вместе с детьми приехала в Мальмезон, куда ранее уже прибыл император Александр I. Жозефина представила императору дочь и внуков и через несколько минут, взяв с собой на прогулку в сад мальчиков, оставила Гортензию наедине с Александром I. По словам Ридли, «он рассказал ей, как сильно сожалеет о прошедшей войне, и предложил ей и ее сыновьям любую помощь. К тому времени, когда Жозефина и дети вернулись с прогулки, Гортензия чуть-чуть оттаяла, и царь был очень увлечен ею»¹²⁴.

«Однако, – продолжает Ридли, – это было время, когда в страну начали возвращаться эмигранты, в правительстве были роялисты. Они неодобрительно воспринимали завязавшую дружбу между российским монархом и Гортензией. По Парижу бродили всевозможные слухи»¹²⁵.

14 мая 1814 года при огромном стечении народа в соборе Парижской Богоматери прошел молебен по убиенным королю Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте. Из всех монархов, которые сражались против Наполеона, единственным, кто отсутствовал на этом мероприятии, был Александр I. Он этот день провел в Сен-Лё с бывшей королевой и ее детьми, Жозефиной, Евгением Богарне и госпожой Ней.

Через неделю император пригласил Гортензию и ее детей посмотреть чудо-машину (*machine de Marly*), которая с 1684 года исправно снабжала водой Версаль. Во время прогулки Гортензия за руку держала старшего сына, Наполеона Луи, а император и Евгений Богарне – младшего, Луи Наполеона. Интересно отметить, что в ходе осмотра машины в работающий механизм попала одежда Александра I, и его, возможно, убило бы, если бы Гортензия не спасла его¹²⁶.

Пример российского императора оказался заразительным, и другие монархи последовали ему. Они стали посещать бывшую императрицу Жозефину. 23 мая король Пруссии Фридрих Вильгельм III с сыновьями приехал в Мальмезон, где также встретился с Гортензией и ее детьми. Младшему сыну прусского короля, принцу Вильгельму, было только семнадцать лет, и это была его первая боевая кампания. Принц познакомился с шестилетним Луи Наполеоном. Именно этот человек, ставший прусским королем, через много лет будет принимать капитуляцию у Наполеона III в Седане.

На следующий день Мальмезон посетят младший брат Александра I, великий князь Николай, будущий император Николай I, и великий князь Михаил. Луи Наполеон спрашивал у окружающих, как ему обращаться к русскому императору и прусскому королю. Поскольку император и короли, которых он встречал в своей жизни, были его «дядями», ему пояснили, что теперь он должен обращаться к ним «сир». Они, в свою очередь, обращались к нему «монсеньор» или «Ваше императорское величество», и это его удивляло, так как все домашние обращались к нему просто «Луи»¹²⁷. Луи Наполеона и его брата также удивляло, почему враги Франции – император России и король Пруссии – целовали их и относились к ним хорошо.

¹²³ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 30.

¹²⁴ Там же. P. 31.

¹²⁵ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 31.

¹²⁶ Там же. P. 32.

¹²⁷ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 32.

Гувернантка объяснила, что император – великодушный враг и желает быть добрым к ним и их матери.

Как-то в начале мая, когда Александр I был в Мальмезоне, к нему украдкой подошел Луи Наполеон и, вложив в руку кольцо, стремительно убежал. Гортензия была удивлена поведением сына. Она подозвала его и спросила, что это значит. Мальчик покраснел, опустил голову и ответил, что это кольцо ему дал дядя Евгений и это единственное, что у него есть. Он хотел отдать кольцо императору Александру, который хорошо относится к матери¹²⁸.

14 мая в Сен-Лё Жозефина встречалась с Александром I и на прогулке простудилась. На следующий день она возвратилась в Мальмезон, но ее состояние продолжало быстро ухудшаться. Запоздалое лечение не дало результатов, и 29 мая Жозефина умерла от воспаления легких и «гангренозной ангины». Последние часы у постели Жозефины провели Гортензия, Евгений Богарне и внуки. В памяти Луи Наполеона на всю жизнь сохранился светлый образ любящей бабушки и ее последние часы.

Накануне в Мальмезон приезжал российский император. Участие, которое проявил в такую минуту Александр I, еще больше сблизило его с Гортензией и Евгением. Через несколько дней император уехал с визитом в Великобританию. Но и оттуда он написал несколько доверительных писем бывшей голландской королеве¹²⁹.

Александр I, несомненно, сыграл огромную роль в жизни Гортензии и Евгения в тот момент, когда Наполеон I отправился на остров Эльбу. Во Франции поднялась антинаполеоновская и антиреволюционная волна, подстегиваемая возвращавшимися из эмиграции дворянами и всеми сторонниками королевского режима. Российский монарх был явно не склонен видеть постаревших Бурбонов лидерами Франции и предлагал оставить в силе многие достижения революции, прежде всего в части личных свобод граждан. В свое время большинство населения страны с удовлетворением освободилось от короля, и вернуть его обратно в дореволюционное состояние было уже нереально.

Французский монарх, по мнению Александра I, должен быть поставлен в рамки конституционного режима¹³⁰. Удивительно, что абсолютистский правитель страны, в которой существовало крепостное право и отсутствовали нормы личных свобод, отстаивал в завоеванной стране конституционные свободы граждан и буржуазные порядки. Усилия Александра I оказались не напрасны. 4 июня 1814 года была обнародована королевская хартия, вводившая во Франции конституционный режим. Французский король стал конституционным монархом.

Тем временем во внешней политике Франция была вынуждена отказаться от всех достижений наполеоновского режима и 30 мая 1814 года в Париже подписала с союзниками мирный договор, в соответствии с которым она возвращалась к границам на начало 1792 года без Бельгии и германских земель на западном берегу Рейна. Франция также обязалась эвакуировать свои войска из всех крепостей в Центральной Европе¹³¹. При этом Франция не должна была выплачивать контрибуцию и оставляла у себя большинство произведений искусств, которые были вывезены французской армией из других государств¹³². Окончательное соглашение по территориальным вопросам, государственным границам и послевоенному устройству на континенте было решено выработать на международном конгрессе в Вене, который открылся 1 октября 1814 года.

Александр I продолжал способствовать укреплению послевоенного положения Гортензии и Евгения Богарне. Он хлопотал перед королем Людовиком XVIII о сохранении их иму-

¹²⁸ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 59. См. также: Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III*. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 84–85.

¹²⁹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 32.

¹³⁰ Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 121.

¹³¹ Лодей Д. Талейран: Главный министр Наполеона. М.: АСТ, 2009. С. 380.

¹³² Новая история, 1640–1870. М.: Просвещение, 1986. С. 205–206.

щества и статуса. Это привело к тому, что дополнительно к тем имущественным правам, какие были определены в договоре от 11 апреля, Гортензия унаследовала от матери семь миллионов франков. По словам Ридли, это «дало ей чистый доход в размере более четырех миллионов франков, даже когда была полностью погашена задолженность Жозефины»¹³³. Кроме того, было образовано герцогство Сен-Лё, и Гортензия, соответственно, стала герцогиней. В этой связи французские газеты насмеялись, что Луи после отречения называл себя графом Сен-Лё и как все это соотносилось с герцогством Сен-Лё и ее герцогиней.

Но как показали дальнейшие события, это еще не было бедой для Гортензии. Плохое началось летом 1814 года, когда раздраженный Луи, находившийся в Швейцарии, начал во Франции судебный процесс с целью получить опеку над старшим сыном¹³⁴. Герцогиня Сен-Лё всеми силами старалась этому противодействовать. Она обращалась к юристам, просила своих друзей в новом французском правительстве организовать тайную встречу с королем. Гортензия надеялась объяснить королю, что будет неправильным удовлетворять требования брата «узурпатора». Несмотря на все попытки, вскоре она получила официальный ответ из канцелярии правительства, в котором сообщалось, что король считает невозможным вмешиваться в обычный судебный процесс¹³⁵.

Слушание по судебному делу открылось в парижском суде 7 января 1815 года. Дело имело широкий резонанс и освещалось в прессе. Заслушав обе стороны, 8 марта 1815 года суд огласил свое решение: Наполеон Луи должен в течение трех месяцев отправиться к отцу. К своему огромному удовольствию, Луи отомстил жене¹³⁶. Правда, все внимание общества уже было приковано к событию совершенно другого масштаба: к Парижу приближался Наполеон I.

1 марта 1815 года император, покинув остров Эльбу, высадился на французском побережье в заливе Жуан, недалеко от Канн. С небольшой группой своих сторонников он горными тропами через Альпы направился в сторону Парижа. В день оглашения судебного решения по делу опекуна над Наполеоном Луи император был уже в Гренобле, жители которого с восторгом приветствовали его возвращение. Королевские войска, высланные навстречу императору, перешли на его сторону.

Из Гренобля Наполеон I обратился к Марии-Луизе, которая находилась в Вене с их сыном, юным королем Рима. Он рассказал ей о своем удачном вступлении в Гренобль, уверяя, что его будут так же приветствовать в Париже, убеждал ее вернуться туда с сыном и убедить своего отца, императора Франца, в искренности его стремления к миру и поддержанию хороших отношений¹³⁷.

Впервые о высадке императора во Францию Гортензия услышала 5 марта, когда к карете, в какой она ехала, галопом подскочил ее британский друг, лорд Кинер, и сообщил, что пять дней назад около Канн высадился император Наполеон I. Он также добавил, что она и ее дети находятся в опасности, поскольку роялисты постараются отомстить¹³⁸. Гортензия серьезно восприняла это предупреждение и с помощью друзей смогла поздно ночью незаметно увезти детей из дома на улице Серютти. Они прятались несколько дней на окраинах города. Сама же герцогиня Сен-Лё осталась в доме еще на несколько дней, а потом укрылась у друзей. В детской памяти семилетнего ребенка отложилось, как они в тишине и темноте уходили из дома, плутали по улицам огромного города, скрываясь от врагов, и переживали это страшное время¹³⁹.

¹³³ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 33.

¹³⁴ Там же. P. 33.

¹³⁵ Там же. P. 34.

¹³⁶ Там же. P. 34.

¹³⁷ Саундерс Э. Сто дней Наполеона. М.: АСТ, 2002. С. 19.

¹³⁸ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 35.

¹³⁹ Там же. P. 35.

А время действительно наступило страшное. Первые дни в Париже после высадки императора во Франции прошли относительно спокойно, но чем дальше продвигался Наполеон I по стране, тем становилось тревожней. Франция опять стояла на пороге гражданской войны. Единственным сдерживающим фактором открытой бойни стала армия, от позиции которой и зависело дальнейшее развитие ситуации. Основная часть армии и офицерского корпуса, воспитанная императором и гордившаяся своими успехами времен революции и Первой империи, с воодушевлением восприняла призыв старого командира сбросить ненавистные белые цвета короля и «с честью демонстрировать рубцы на ранах; гордиться тем, что совершите, и вы станете освободителями Отечества»¹⁴⁰. Как же старым солдатам императорской армии было не примкнуть к своему императору?! Королевская власть уволила более 200 тысяч солдат, а 13 тысяч офицеров отправила на половинную пенсию¹⁴¹. В войсках появились офицеры-эмигранты, которые не знали изменившуюся Францию и ее армию. А победами, которыми вчера еще можно было гордиться, сегодня приказали стыдиться и помалкивать о них. Добавим к этому, что часть населения (крестьяне, рабочие, старые государственные служащие, новые собственники, приверженцы революции и сторонники империи) также с готовностью была готова поддержать возвращение императора.

Наполеон I умело воспользовался сложившейся в стране ситуацией, недовольством новыми порядками и возвращением эмигрантов-роялистов и начал быстро продвигаться по тем департаментам страны, в которых у него была поддержка, избегая «роялистские департаменты» и повсюду демонстрируя свою уверенность и железную волю. Именно это и предопределило успех возвращения императора к власти. 10 марта император уже был в Лионе, 14 марта – в Шалоне, 17 марта – в Осере, поздно ночью 19 марта вступил в Фонтенбло, где одиннадцатью месяцами ранее, побежденный и усталый, простался со своей гвардией.

Ночью 19 марта Людовик XVIII покинул Париж и направился в Бельгию. За ним потянулись роялисты и недовольные императором. 20 марта в Париж въехал Наполеон I, и в девять часов вечера восторженная толпа на руках внесла его во дворец Тюильри, над которым уже несколько часов развевалось трехцветное полотнище. Среди присутствовавших во дворце и приветствовавших императора была Гортензия.

На следующее утро император нашел время и для нее. Разговор оказался весьма неприятным для бывшей королевы Голландии. Вот как об этом пишет Кастело: «Он (император. – *Прим. авт.*) принял у себя королеву Гортензию, которую осыпал упреками – и не без причины – за ее хлопоты перед Людовиком XVIII, чтобы тот пожаловал ей титул герцогини Сен-Лё.

– Разве вы не знаете, – воскликнул Наполеон, – что в семье не всегда бывает только благоденствие и процветание? Случаются и несчастья, и нужно уметь противостоять превратностям судьбы. – Разве я не должна заботиться о будущем своих детей?

– Ваших детей! Не забывайте, ваши дети еще и мои племянники. По какому праву вы лишили их того высокого положения, которое я им предоставил? Сын короля теперь всего лишь герцог Сен-Лё! Боже, какое унижение! Выходит, вы не читали мой Кодекс? Не знаете, что законом запрещается менять их общественное положение и отказываться от чего-либо от их имени?

– Ах, сир, я сознаю свой промах. Но мне казалось, что выполняю свой долг перед ними, уберегая их от неприятностей на чужбине. – Вы не правы!

Гортензия залилась слезами»¹⁴².

Однако император подавил вспышку гнева и продолжал относиться к своей падчерице и племянникам со всей любовью. Этому также способствовало то обстоятельство, что, несмотря

¹⁴⁰ Кастело А. Наполеон. М.: Центрполиграф, 2010. С. 505.

¹⁴¹ John P.T. Bury. *France, 1814–1940. Routledge. London and New York. 2005. P. 5.*

¹⁴² Кастело А. Наполеон. М.: Центрполиграф, 2010. С. 529.

на все обращения к жене, императрица Мария-Луиза не вернулась во Францию вместе с их сыном, римским королем. Возвращение в Париж именно 20 марта, в день рождения римского короля, как и планировал император, никак не повлияло на Марию-Луизу. В этих обстоятельствах роль Гортензии и ее детей даже возросла. Теперь Луи Наполеон и его брат опять становились принцами, а их мать, в отсутствие императрицы, – доверенным лицом императора и хозяйкой Тюильри.

Луи Наполеон с братом вернулись в свой дом. Уже в то же утро, 21 марта, их со слезами на глазах обнял дядя и показал из окна дворца Тюильри толпе, которая собралась на площади, чтобы поприветствовать возвращение императора. Гортензия и ее дети в эти дни присутствовали на всех крупнейших мероприятиях, в которых участвовал Наполеон I.

А он спешил с переменами, правильно понимая, что времени очень мало. Император сразу заявил, что вернулся другим человеком, осознав и поняв многое. Обещал быть сдержанным и терпимым, принять либеральную конституцию и гарантировать свободу прессы, не ущемлять в правах граждан и гарантировать имущественные права от посягательств дворян-эмигрантов. Провел референдум по внесению изменений в конституцию страны. Он обратился ко всем европейским правительствам с призывом поддерживать мирные отношения и уважать существующие государственные границы. Мир – это единственное желание императора.

В Европе с тревогой восприняли известие о возвращении императора к власти во Франции. Наметившиеся противоречия в ходе Венского конгресса были забыты, и практически все единодушно выступили за свержение Наполеона I. Кроме того, участники конгресса приняли декларацию, в которой объявили, что, *«вновь появившись во Франции, с намерением создать волнения и беспорядки, он лишил себя защиты закона и доказал всему свету, что с ним не может быть ни мира, ни перемирия. Вследствие чего державы заявляют, что Наполеон Бонапарт поставил себя вне рамок гражданских и общественных отношений и поэтому, как враг и нарушитель мирового спокойствия, подлежит воздаянию со стороны государства»*¹⁴³.

Сформировалась новая, седьмая по счету, антифранцузская коалиция из великих держав. Начались военные приготовления, и надежд на установление мира на континенте не осталось.

Тем временем жизнь на улице Серютти опять вошла в свою прежнюю колею. Гортензия воспрянула духом и проигнорировала решение парижского суда относительно Наполеона Луи. Оба мальчика остались с ней. Они продолжали учиться и время от времени посещали Тюильри и Сен-Лё.

1 июня 1815 года на Марсовом поле в Париже прошли грандиозные торжества с прохождением войск по случаю принятия новой конституции. Рядом с Наполеоном I находились Луи Наполеон и его брат.

Однако на мирную жизнь времени не осталось. Союзники, подтвердив все ранние обязательства против Наполеона I, выставили армию, превышавшую полмиллиона человек, которая со всех концов Европы двигалась к границам Франции. Несмотря на все усилия, Наполеон I смог собрать к лету 1815 года не более 250 тысяч. Поняв, что война неизбежна, он решил первым нанести удар по англо-прусским войскам в Бельгии. Многие французы искренне надеялись, что первые же успехи в Бельгии вынудят союзников сесть за стол переговоров.

Накануне отъезда в действующую армию, вечером 11 июня, в Тюильри состоялся ужин императора с близкими и друзьями. Луи Наполеон последний раз посидел на коленях своего великого дяди¹⁴⁴.

¹⁴³ Кастело А. Сын Наполеона. Биография. М.: Захаров, 2007. С. 167.

¹⁴⁴ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 62.

За несколько часов до этого в одну из комнат дворца, где император с маршалом Сультом обсуждали план предстоящей кампании, ворвался Луи Наполеон и, обняв императора, начал плакать. Наполеон I, не любивший, когда его отрывали от дела, строго поинтересовался, почему тот ворвался в комнату и плачет. В ответ мальчик сквозь слезы попросил дядю не уходить на войну, поскольку «злые союзники убьют тебя». «Позволь мне пойти с тобой», – добавил Луи Наполеон. Смягчившись при этих словах, император обнял мальчика и, позвав Гортензию, сказал: «Вот, возьми моего племянника и сделай выговор его гувернантке за работу над излишней чувствительностью ребенка». Затем, повернувшись к маршалу Сульту, который был свидетелем этой сцены, император добавил: «Вот, маршал, поцелуй его! У него будет доброе сердце и возвышенная душа. Возможно, он – надежда моего народа!»¹⁴⁵

Сейчас трудно сказать, имел ли место этот эпизод в реальности, но во времена Второй империи об этом много судачили в народе. Даже в литературе того времени он преподносился как достоверный факт. А может быть, это одна из составляющих большой наполеоновской легенды?

12 июня в 3.30 утра Наполеон I выехал из Парижа. Начиналась новая кампания. Британский историк Эдит Саундерс приводит интересный факт, на который стоит обратить особое внимание. Он пишет, что император «определенно готовился к лучшему, потому что в его уже отправленном багаже лежали кипы прокламаций для развешивания в Брюсселе на следующей неделе, датированные Лакенским дворцом, где он намерен был остановиться. Они были сформулированы следующим образом»¹⁴⁶:

*Воззвание к бельгийцам и жителям левого берега Рейна. Недолгий успех моих врагов в какой-то момент отделил вас от моей Империи. В изгнании, на утесе в море, я слышал ваши мольбы, и бог войны решил судьбу вашей прекрасной страны. Наполеон с вами. Вы достойны быть французами. Восстаньте все вместе, присоединяйтесь к моим непобедимым фалангам, дабы истребить остатки этих варваров, которые суть ваши и мои враги. Они бегут с гневом и отчаяньем в сердце.
В Императорском дворце Лакен, 17 июня 1815.
НАПОЛЕОН*

В этом небольшом воззвании сконцентрирована суть внешней политики Франции: естественные границы по Рейну и Бельгия в составе страны. Что хотел обнародовать Наполеон I в Брюсселе в 1815 году, станет путеводной звездой и для его племянника, Наполеона III.

Менее чем за неделю в Бельгии произошло несколько сражений, которые завершились кровавой бойней при Ватерлоо 18 июня 1815 года. Французская армия потерпела сокрушительное поражение, и ее остатки были вынуждены отступить во Францию. Войска союзников перешли границы Франции и начали продвигаться к столице. По стране прокатилась волна роялистских выступлений. Однако значительная часть населения продолжала придерживаться бонапартистских настроений.

Император прибыл в Париж ранним утром 21 июня. Несмотря на требования парижан организовать оборону столицы, на следующий день он отрекся в пользу сына, четырехлетнего Наполеона II, который в это время вместе с матерью находился в Австрии, и 25 июня уехал в Мальмезон. На следующий день он встретился со своей бывшей любовницей, польской графиней Марией Валевской, и их сыном, пятилетним Александром.

По его просьбе в Мальмезон приехала Гортензия, которая после смерти матери была хозяйкой поместья. Предварительно она спрятала своих сыновей в небольшой квартирке над

¹⁴⁵ Jerrold Blanchard. *The Life of Napoleon III. Vol. I. Longmans, Green, and Co. London, 1874. P. 94–95.* См. также: John S.C. Abbott. *The History of Napoleon III. B.B. Russell, Publisher. Boston, 1873. P. 31.*

¹⁴⁶ Саундерс Э. Сто дней Наполеона. М.: АСТ, 2002. С. 125.

трикотажным магазином на бульваре Монмартр¹⁴⁷. Для них опять начался период скитаний и неопределенности.

Наполеон I и Гортензия провели несколько дней в Мальмезоне. Они часто гуляли по парку, вспоминая Жозефину и счастливое прошлое. Император сетовал, что развод с ней стал для него несчастьем и удача отвернулась от него. По воспоминаниям Гортензии, при этих словах на его глазах появлялись слезы. Он попросил оставить его в одиночестве в ее комнате, где провел некоторое время¹⁴⁸.

В связи с наступлением союзных войск и вынужденный подчиниться предписаниям временного правительства, Наполеон I вечером 29 июня выехал из Мальмезона в сторону атлантического побережья. Он намеревался отправиться в Америку. 3 июля 1815 года Париж капитулировал, и через пять дней в столицу торжественно въехал король Людовик XVIII. 15 июля в Рошфоре Наполеон I поднялся на борт британского крейсера *HMS Bellerophon*, что последовало к берегам Англии. Через несколько месяцев, 7 августа 1815 года, британцы переправили его на борт *HMS Northumberland* и отправили на остров Святой Елены в южной части Атлантического океана, который был определен местом ссылки бывшего императора французов.

Тем временем для Гортензии и ее сыновей наступили ужасные дни. Она вернулась в Париж и несколько дней прожила в своем доме. Вскоре на нее обратили внимание роялисты, и она была вынуждена скрываться у надежных людей в небольшом домике на улице Тетбу, примыкавшем к саду ее особняка на улице Серютти. Сюда же вскоре тайком привезли и мальчиков¹⁴⁹.

10 июля на первом этаже этого особняка расположился штаб фельдмаршала Карла Шварценберга, командовавшего австрийской оккупационной армией. Гортензия предположила, что для нее будет безопасней находиться в собственном доме рядом с австрийцами, и с согласия Шварценберга она поселилась этажом выше. Дети остались на прежнем месте, на улице Тетбу¹⁵⁰.

Герцогиня Сен-Лё надеялась, что добрые отношения с императором Александром I помогут ей и детям пережить трудные часы, но российский монарх, вступивший в Париж вместе с союзниками, не изъявил желания встретиться с ней. Это объяснялось тем, что царь был крайне недоволен. Он, как и многие другие, считал, что Гортензия способствовала возвращению Наполеона I в Париж в марте 1815 года. Некоторые даже поговаривали, что она была одним из важнейших организаторов бегства бывшего императора французов с острова Эльба. Даже когда Александр I посетил Карла Шварценберга в особняке Гортензии, он не пожелал встретиться с бывшей королевой Голландии.

Почувствовав такое отношение к себе, Гортензия написала царю письмо, в котором написала, что, если он не желает больше ее дружбы, она будет считать их отношения завершенными, и приложила его письма к ней. Как говорит Ридли, «он ответил холодным и официальным письмом, в котором заявил, что ее поведение в течение “Ста дней” было непростительным»¹⁵¹. Однако, как продолжает британский историк, царь продолжил дружеские отношения с Евгением Богарне и даже помог Гортензии и Евгению сохранить кое-какую собственность и произведения искусства, какие они приобрели во времена правления Наполеона I¹⁵². В конечном итоге российский император оказался благодетелем для Гортензии и Евгения, и без его участия неизвестно как сложилась бы их судьба в последующем.

¹⁴⁷ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 63.

¹⁴⁸ Кастело А. Жозефина. Императрица, королева, герцогиня. Кн. 2. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 346.

¹⁴⁹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 41.

¹⁵⁰ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 41.

¹⁵¹ Там же. P. 42.

¹⁵² Там же.

Дни реставрации Бурбонов были страшными, и террор под белым королевским знаменем захлестнул Париж и Францию в целом. В некоторых регионах горевали по бывшему императору, в других злорадствовали и хотели мщения. Многие из тех, кто поддерживал Наполеона I или просто примкнул к нему, лишились не только имущества, но и жизни. В стране заискрились огоньки гражданской войны. Кое-где порядок держался только на штыках оккупационных войск союзников.

В газетах тех дней можно было прочитать сообщения, как народ выражает свое недовольство преступными действиями «узурпатора» и его сторонников. Не приводятся только подробности, как озверелые толпы роялистов громили и убивали своих противников или просто сочувствующих им в Марселе, Тулоне, Авиньоне, Тулузе, Ниме и других местах. Так, в начале августа в Авиньоне толпа безжалостно расправилась с маршалом Гийомом Брюном, а его труп сбросила в Рону. Последовали знаменитые аресты и суды над маршалом Неем, генералами Дюверне и Лабедуайер, братьями Фоше (все – расстреляны) и другими.

Общее число арестованных к августу 1815 года достигло 70 тысяч. Военные суды и чрезвычайные трибуналы вынесли в общей сложности 10 тысяч обвинительных приговоров. Из армии были уволены многие выдающиеся военачальники (маршалы Даву, Массена, Султ и др.), которых побаивались новые французские власти и союзники. «Чистка» была проведена и в гражданской администрации. Общее число уволенных со службы чиновников достигло 100 тысяч¹⁵³.

И все же главное беспокойство у Гортензии вызывала безопасность детей. Она твердо намерилась вывезти их из Франции. У нее появился следующий план: у одного из друзей (Габриэль Дёлессер) был слуга-швейцарец, кто взялся сделать заграничный паспорт на себя, жену и двоих детей. По этим фальшивым документам слуга с гувернанткой, госпожой Буре, Наполеоном Луи и Луи Наполеоном могли бы выехать в Швейцарию. Но утром 17 июля она получила предписание от военного губернатора Парижа, прусского генерала барона фон Мюффлинга, с требованием покинуть город в течение двух часов. При этом губернатор предлагал предоставить охрану, поскольку в обществе открыто ходили слухи, что бывшая королева подвергнется нападению роялистов или грабителей, потому что она намеревается покинуть страну с драгоценностями и огромными суммами денег. В конечном итоге Гортензия обратилась к губернатору с просьбой отсрочить отъезд, так как собраться за два часа не представлялось возможным, и предоставить ей охрану до границы¹⁵⁴.

В 9 часов вечера 17 июля 1815 года Гортензия вместе с мальчиками, госпожой Буре и несколькими близкими в трех каретах и в сопровождении австрийских кавалеристов под командованием молодого капитана Эдуарда фон Война выехала из Парижа. Через три дня, вечером 20 июля, они достигли Дижона, куда за несколько часов до этого вступили австрийские войска. Как отмечает Ридли, это обстоятельство благоприятствовало Гортензии и ее спутникам¹⁵⁵. Гостиницу, где они остановились, окружила толпа разъяренных роялистов. Они хотели добраться до бывшей королевы или, говоря их языком, «арестовать Гортензию», но фон Война преградил им путь, заявив, что все приехавшие находятся под охраной союзных войск, и одновременно обратился за помощью к оккупационным австрийским властям Дижона. Только при их содействии удалось оттеснить роялистов от гостиницы. Однако роялисты не унимались и начали доказывать офицеру, командовавшему прибывшим отрядом, что Война – бонапартист, который переоделся в форму австрийского офицера. И на этот раз фортуна была на стороне приехавших. Австрийский офицер оказался хорошим знакомым фон Война и полностью его поддержал. На том день и завершился.

¹⁵³ История Франции. Том 2. М.: Наука, 1973. С. 178–179.

¹⁵⁴ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 42.

¹⁵⁵ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 43.

Понимая, что недовольные роялисты на следующее утро опять вернутся к гостинице, чтобы помешать отъезду Гортензии и ее спутников, фон Война убедил австрийское командование провести на время выезда из гостиницы смотр всех французских частей в районе Дижона. Однако молодой командир роялистского отряда не подчинился приказу оккупационной администрации и на следующее утро появился у дверей гостиницы. Не имея никакой поддержки, он только сверкавшим от гнева взглядом и проклятиями мог безучастно наблюдать, как Гортензия, дети и остальные в окружении австрийских солдат спускаются на первый этаж гостиницы и усаживаются в повозки. Через несколько минут кареты в сопровождении австрийских кавалеристов покатали по улицам Дижона в сторону швейцарской границы. К вечеру они оказались в Швейцарии.

Из окна кареты выглядывал семилетний Луи Наполеон, который всматривался в домики, деревья, людей и время от времени открывавшийся превосходный вид Женевского озера. Начались долгие годы эмиграции.

Глава 3

В эмиграции. Арненберг

Гортензия и ее семейство поселились в *Hôtel d'Angleterre* в районе Сешерон, на северной окраине Женевы. Всем казалось, что опасность и ужасы роялистского преследования остались позади, во Франции. Капитан фон Война и его охрана надеялись, что с честью выполнили свой долг и могли оставить французов в безопасности. Попрощавшись, они отправились обратно в Париж.

Тем временем тучи над головой эмигрантов только начинали сгущаться... Это было обусловлено внутренним и внешним положением страны, в которой они оказались. Конфедерация швейцарских кантонов была оккупирована французскими войсками в 1798 году, после чего была образована Гельветическая республика, находившаяся в полном подчинении французов. В 1803 году первый консул Наполеон Бонапарт даровал республике конституцию, которая и образовывала современный прообраз страны – Швейцарии. Однако швейцарцам пришлось заплатить за это военным и экономическим союзом, поставлять солдат в императорскую армию.

В стране были как сторонники императорской Франции, так и ее противники. Со временем противников становилось все больше, поскольку швейцарским солдатам пришлось участвовать в бесконечных войнах наполеоновской Франции. Были ограничены права и свободы отдельных кантонов. Неравноправные экономические отношения добавляли масла в огонь противоречий двух государств. В конце 1813 года в Швейцарию вступили австрийские войска, которые через ее территорию вторглись во Францию.

В начале марта 1815 года в ходе Венского конгресса великими державами были подписаны документы, устанавливавшие и подтверждавшие постоянный нейтралитет Швейцарии. Этот шаг был направлен против Франции. Союзники всеми силами стремились не допустить впредь французского влияния. Сами жители Альпийской республики также желали иметь нейтральный статус, но при этом гарантировавший отсутствие притязаний не только со стороны Франции, но и других великих держав. Поэтому швейцарцы негативно восприняли события, связанные со «Ста днями» Наполеона I.

28 июля 1815 года французский посол обратился к швейцарским властям с требованием не допускать тех французских лиц, которые «принимали участие в постыдной революции, имевшей место во Франции»¹⁵⁶, и не предоставлять им убежище. Власти страны пообещали оказать влияние на кантоны с целью выполнения требований французского правительства. К этому добавим, что в швейцарском обществе нарастала волна анти-наполеоновских настроений на бытовом уровне, что непосредственно сказалось на жизни французов-эмигрантов. Вот в такой непростой ситуации оказалась Гортензия со своими детьми и близкими.

Через несколько дней их посетили мадам Летиция и ее брат, кардинал Феш, направлявшиеся в Италию. В обстановке нервозности и неуверенности их приезд был как нельзя кстати. В последнее время мадам Летиция изменила свое отношение к невестке. Хотя Гортензия так и не сошлась с Луи, она всячески помогала другому сыну, Наполеону, и тепло его принимала в Мальмезоне после неудачной кампании в Бельгии и повторного отречения. Кардинал Феш рассказал последние новости: Гортензия, по мнению королевских властей, входила в число заговорщиков, которые содействовали бегству «узурпатора» с Эльбы; и бывший император сдался англичанам¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 44.

¹⁵⁷ Там же.

Доходившие до Женева французские газеты не добавляли оптимизма. В них упоминались знакомые и близкие Гортензии люди, кто подвергся опале и гонениям при новом правительстве. Дело дошло до того, что неприятные новости, приходившие из Франции, пришлось скрывать от мальчиков. К тому же бывшая королева Голландии узнала о декрете короля Людовика XVIII от 24 июля 1815 года, в нем перечислялись 19 известных бонапартистов, включая маршала Нея и ее хорошего друга Лабедуайера, которые в случае задержания должны предстать перед судом. Королевским документом также предусматривалось, что всем лицам, высланным из страны, предоставлялся один год для продажи собственности во Франции, иначе все их имущество подлежало конфискации в пользу государства¹⁵⁸. Ситуация осложнялась тем, что на ее собственность (дом в Париже, особняк и землю в Сен-Лё) претендовал супруг, он все это время был в Риме и позиционировал себя как противник «узурпатора». В конечном итоге в сентябре 1815 года Луи прибыльно продал это имущество новым хозяевам.

Тем временем в столице Австрийской империи завершился конгресс, который подвел черту под эпохой революционных и наполеоновских войн. 9 июня 1815 года был подписан генеральный заключительный акт Венского конгресса. Этот документ определил политическую карту Европы и восстановил «законные» права прежних монархов, утративших свои владения. Так, к Голландии, превращенной в Нидерландское королевство, была присоединена Бельгия. Норвегия на основе личной унии перешла под управление короля Швеции. Польша вновь была поделена между Российской империей, Пруссией и Австрийской империей, при этом большая часть бывшего Великого герцогства Варшавского отошла к России. Пруссия приобрела часть Саксонии и Вестфалии, а также Рейнскую область. Австрийской империи были возвращены земли, отторгнутые во время наполеоновских войн, были присоединены Ломбардия и владения бывшей Венецианской республики, а также Зальцбург и некоторые другие территории.

Италия была в очередной раз раздроблена на ряд государств, куда вернулись старые монархические династии. В Сардинском королевстве (Пьемонте), к которому были присоединены территории бывшей Генуэзской республики, Савойя и Ницца, была восстановлена Савойская династия. Великое герцогство Тосканское, герцогства Моденское и Пармское перешли во владение различных представителей австрийского дома Габсбургов. В Риме была восстановлена светская власть папы, кому возвратили его прежние владения. В Неаполитанском королевстве утвердилась на троне династия Бурбонов.

Мелкие немецкие государства, ликвидированные Наполеоном I, не были восстановлены, и их число сократилось почти в 10 раз. Тем не менее политическая раздробленность Германии сохранилась. В Германии осталось 38 государств, которые вместе с Австрией лишь формально объединились в Германский союз.

Участники Венского конгресса подтвердили восстановление ветви Бурбонов в Испании. Были достигнуты договоренности по колониальным владениям. Великобритания получала остров Цейлон, мыс Доброй Надежды и Гвиану. Кроме того, за Англией остался остров Мальта, имевший важное стратегическое значение, и Ионические острова.

В ходе переговоров государства-участники заявляли о готовности соблюдать мир и поддерживать неизменность территориальных границ, какие будут установлены Венским конгрессом. В соответствии с решениями и духом Венского конгресса, великие державы стремились не допустить возникновения революций и смещения законных династий, разрушения баланса сил на континенте и чрезмерного усиления отдельных стран. Одним из важнейших механизмов координации в этой сфере стал Священный союз, который образовали Австрийская и Российская империи и Королевство Пруссия в 1815 году. Позднее к этому союзу присоединились практически все европейские государства.

¹⁵⁸ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 44.

По замыслу инициатора создания этого союза, российского императора Александра I, эта организация должна была стать неким дискуссионным клубом монархов, которые на принципах дворянской солидарности, общности интересов и христианских ценностей принимали бы решения, не допускавшие революционных потрясений в Европе и принятые во благо всех государств. На деле усилия союза оказались направлены на борьбу с инакомыслием и сохранением существующих монархическо-дворянских порядков.

Забегая вперед, отметим, что союз не смог стать долгосрочным проектом, поскольку в период активного развития капиталистических отношений, промышленной революции, неуклонного роста влияния буржуазии, либерализма и национализма, а также противоречий между европейскими государствами по военно-политическим и территориальным вопросам интересы правивших династий и элит все больше и больше расходились.

Правда, определенную живучесть принципам Священного союза в части борьбы с национально-революционным движением и сохранением правивших династий смог на несколько десятилетий обеспечить канцлер Австрийской империи Клеменс фон Меттерних. Он, как один из важнейших творцов системы договоров, заключенных в ходе международного конгресса в столице Австрийской империи в 1814–1815 годах, полагал, что только неукоснительное соблюдение их всеми сторонами позволит сохранить власть старым законным элитам и обеспечить стабильный мир на континенте.

* * *

В конце июля 1815 года Гортензия получила уведомление от властей кантона Женева о том, что она должна покинуть его территорию. Попытка договориться о возможности проживания в усадьбе Преньи, которая находилась на территории кантона и ранее была собственностью Жозефины, ни к чему не привела¹⁵⁹. Тогда Гортензия арендовала дом в городке Экс-ле-Бен, в Савойе, куда к ней приехали ближайшая подруга Луиза Кошеле и аббат Бертран.

Проблема заключалась в том, что в соответствии с венскими договоренностями союзников Франция передавала Савойю Королевству Сардиния (Пьемонт). В это время происходила замена австрийской военной администрации на сардинскую. Пьемонтцы враждебно относились к бывшей королеве Голландии и ее семейству. Они даже не могли свободно передвигаться и покидали дом под бдительным присмотром сардинцев. Как подчеркивает Ридли, австрийцы и на этот раз пришли на помощь Гортензии¹⁶⁰. Они возмутились и потребовали от сардинцев позволить французам свободно передвигаться, поскольку те жили в Экс-ле-Бен.

Вскоре пришли новости, что расстрелян Лабедауайер, растерзан толпой маршал Брюн, арестован и будет предан суду маршал Ней. Некоторые знакомые бывшей королевы были просто изгнаны со своей службы. Каждый раз она глубоко вздыхала, услышав очередную горестную историю¹⁶¹. Дополнительным ударом стал визит Шарля де Флао. Вместо поддержки он сообщил, что любит дочь адмирала, лорда Джорджа Элфинстона¹⁶², Маргарет, и собирается на ней жениться. Более того, Шарль сразу же примкнул к Наполеону I во время «Ста дней» и сражался на поле Ватерлоо. Теперь он был в беггах. Власти потребовали от Гортензии удалить «преступника», иначе они не ручались за безопасность бывшей королевы и ее окружения¹⁶³.

¹⁵⁹ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 70–71. См. также: Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 44–45.

¹⁶⁰ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 45.

¹⁶¹ Pierre Milza. *Napoléon III*. Perrin. Paris, 2007. P. 32. См. также: Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 71.

¹⁶² Интересный факт: именно адмирал Элфинстон по распоряжению британского правительства руководил операцией военно-морского флота по отправке Наполеона I на остров Святой Елены.

¹⁶³ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 45. См. также: Fenton Bresler. *Napoleon III*:

Можно только удивляться тому, как она стойко переносила все те несчастья, которые сыпались на ее голову.

Вместе с тем именно в Экс-ле-Бен все стали чувствовать себя немного лучше. Угроза физического насилия отошла на второй план. Мальчики вновь начали свои занятия с аббатом Бертраном и вместе с соседскими детьми весело играли во дворе дома. Женщины сумели организовать быт. Одним словом, жизнь стала налаживаться. Правда, через несколько дней австрийцы предупредили, что роялисты не могут успокоиться и желают расправиться с бывшей королевой и домочадцами. Возможно, они постоянно следят за их домом, поэтому необходимо быть крайне осторожными¹⁶⁴.

В конце августа 1815 года в доме Гортензии появились два представителя Луи Бонапарта и потребовали исполнения решения парижского суда, по которому Наполеон Луи должен был отправиться к отцу в Италию. В сложившейся ситуации Гортензия пришла к выводу, что она не может удерживать старшего сына у себя и, кроме того, для него будет безопаснее жить у отца в Риме. Через месяц Наполеон Луи отправился в Италию. Позднее Луи Наполеон вспоминал, как ему было тяжело расставаться со старшим братом, кто всегда был для него опорой и советчиком. Они практически всегда проводили время вместе и буквально накануне отъезда весело играли в солдатики во дворе дома в Экс-ле-Бен¹⁶⁵.

Юный Луи Наполеон заболел желтухой. Мать считала, что болезнь вызвана переживаниями впечатлительного мальчика от разлуки со своим братом¹⁶⁶. Душевное самочувствие самой же бывшей королевы также было не лучшим. Время от времени она ощущала приступы депрессии. Аббат Бертран, госпожа Буре и другие окружавшие пытались всячески поддержать Гортензию и скрасить эти тяжелые дни. К ним частенько приезжали друзья и знакомые.

События развивались лавинообразно. 27 августа 1815 года союзные правительства обнародовали декларацию, в которой указывалось, что «места проживания членов семьи Бонапарта должны быть ограничены, поскольку их пребывание связано с поддержанием общественного порядка»¹⁶⁷. Несмотря на это, союзники дали разрешение Луи Бонапарту проживать в Папском государстве, а Гортензии – в Швейцарии, где она должна была находиться под наблюдением британского, австрийского, русского, прусского и французского послов.

В тот момент, когда союзные правительства решали вопросы о пребывании членов семейства Бонапартов в европейских странах, на остров Святой Елены в воскресенье, 15 октября 1815 года, на фрегате *HMS Northumberland* в окружении других кораблей военно-морского флота Великобритании прибыл Наполеон I.

21 октября 1815 года союзники разрешили Гортензии и ее домочадцам жить в Швейцарии, в кантоне Санкт-Галлен (Сен-Галлен). Однако власти кантона Женева не предоставили ей визы на проезд через свою территорию. Бывшая королева не хотела жить в Санкт-Галлене, поскольку там не было знакомых и кантон находился дальше от Франции. Она обратилась к находившемуся в Париже капитану Эдуарду Война с просьбой помочь ей получить разрешение на проживание в городе Констанц, входившем в Великое герцогство Баден¹⁶⁸. Дело было в том, что ее кузина и подруга, Стефания де Богарне, была замужем за великим герцогом Бадена Карлом Людвигом и проживание там представлялось более безопасным и комфортным. Благородный австрийский офицер в очередной раз пришел на помощь Гортензии и получил соответствующее разрешение.

A Life. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 71.

¹⁶⁴ *Jasper Ridley. Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 45.*

¹⁶⁵ Там же. P. 45.

¹⁶⁶ Там же. P. 45–46.

¹⁶⁷ *Fenton Bresler. Napoleon III: A Life. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 71.*

¹⁶⁸ *Jasper Ridley. Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 46.*

Из Парижа также дошли новости о подписании Францией нового мирного договора с союзниками. Условия этого договора оказались гораздо жестче по сравнению с Парижским договором 1814 года. Границы Франции были определены по состоянию на 1 января 1790 года (по предыдущему договору – по состоянию на 1792 год), она уступала в пользу Нидерландов, Пруссии, германских княжеств, Сардинии (Пьемонта), Швейцарии ряд стратегически важных территорий (герцогство Бульонское, крепости Саарбрюккен, Саарлуи, Филиппвиль и Мариенбург, левый берег Лаутера с городом Ландау, часть Савойи и др.), получив незначительную компенсацию в Эльзасе и Лотарингии, а также анклав Авиньон. Монако было восстановлено как самостоятельное княжество.

Кроме того, согласно договору, по периметру страны в крепостях должны были на срок от 3 до 5 лет разместиться 150 тысяч солдат союзников, на содержание которых французское правительство должно было отчислять 1,75 миллиона франков в день. Предусматривалось, что Франция должна вернуть исторические и культурные ценности, какие были вывезены французскими войсками из оккупированных стран¹⁶⁹.

Парижский мирный договор 1815 года исключал возможность возвращения к власти во Франции представителей династии Бонапартов. Условия договора, выдвинутые союзниками, вызвали шок у французского общества и властей. Король Людовик XVIII протестовал, а министр иностранных дел Талейран подал в отставку¹⁷⁰. Однако существенно изменить или улучшить условия международного договора Франция не смогла.

28 ноября 1815 года Гортензия, Луи Наполеон и остальные домочадцы покинули Экс-ле-Бен и отправились в Констанц. Их путь проходил по кантонам Женева, Берн, Во, Аргау, Цюрих и Тургау. Практически везде местные власти не были рады появлению родственников «узурпатора». Кое-где их задерживали для выяснения всех обстоятельств, связанных с проездом. С большим трудом только к вечеру 7 декабря они смогли добраться до Констанца и поселились в *Hôtel de l'Aigle*.

Через два дня появился камергер великого герцога Бадена и сообщил бывшей королеве, что Карл Людвиг не может предоставить им убежище на территории герцогства, поскольку союзники запретили укрывать бонапартистов. Гортензия, сославшись на усталость и болезнь, попросила оставить ее в Бадене до того, как она получит разрешение на проживание в Швейцарии, в кантоне Санкт-Галлен. Как говорит Ридли, «правительство Бадена смилостивилось, и она оставалась в Констанце семнадцать месяцев»¹⁷¹. По прошествии нескольких недель Гортензия сняла дом в районе Петерсхаузен, пригороде Констанца. Весной она хотела купить участок земли у Боденского озера и построить там дом, но местные власти отказали, напомнив, что ей разрешено только временное проживание. Тем временем 12 января 1816 года во Франции вышел королевский указ, запрещающий членам семьи Бонапарта въезд в королевство под страхом смертной казни¹⁷². Перспектива возвращения домой в ближайшем будущем исчезла. Приходилось обустраиваться на чужбине.

Пришли очередные новости от мужа. Проживая в Риме, Луи начал бракоразводный процесс под предлогом, что его заставили жениться на Гортензии помимо его воли. Ускорить данный процесс он желал по причине возможного брака на дочери одного из уважаемых горожан. Луи потребовал у Гортензии развода, но она отказала ему в этом. Бывшая королева не хотела и слышать о якобы насильственном принуждении Луи к женитьбе, а также отстаивала права

¹⁶⁹ King D. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010. С. 335

¹⁷⁰ Лодей Д. Талейран: Главный министр Наполеона. М.: АСТ, 2009. С. 430–431.

¹⁷¹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 47.

¹⁷² Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 47.

своих детей¹⁷³. Долгая тяжба, затеянная Луи, не понравилась отцу предполагаемой невесты и прелатам католической церкви.

В Констанце в очередной раз проявилось умение Гортензии не терять присутствия духа и бороться за себя и своих близких. Получив от властей Бадена временную передышку на несколько дней, она сумела неплохо обустроиться на достаточно продолжительный период времени. Постепенно ее домочадцы также начали приспосабливаться к любым условиям жизни.

За несколько месяцев Луи Наполеон получил прекрасный жизненный урок. Он стал свидетелем падения своего великого дяди в 1814 году и его неистребимого желания бороться в самых невероятных обстоятельствах. Еще более ярким оказался эпизод триумфального возвращения Наполеона I в Париж в марте 1815 года и все, что было связано со «Ста днями». В память врезалось, как император умело увлекал словами и делами своих соотечественников, поворачивая политическую ситуацию буквально за несколько дней в совершенно ином направлении. Впечатлительная детская душа оказалась в плену ярких событий наподобие грандиозного театрализованного действия, посвященного принятию новой конституции, на Марсовом поле 29 мая 1815 года. Луи Наполеон был свидетелем, как толпы парижан требовали от императора действий после поражения при Ватерлоо, и предательства некогда близких к нему людей. Это обстоятельство усугубило врожденное чувство скрытности у мальчика. Не доверять или доверять не в полной степени людям – это инстинкт самосохранения, поскольку неизвестно, как они отнесутся к тебе при иных политических раскладах. С другой стороны, он стал свидетелем бескорыстной дружбы и самопожертвования, когда люди (зачастую чужие или малознакомые) пытались укрывать и защищать его, брата и мать в 1814 и 1815 годах в условиях белого террора.

Гортензия всегда воспитывала сына в духе единения с простым народом. Она не только не противилась, но и приветствовала общение и игры своих сыновей с детьми из «простых» семей. Тут свою роль сыграло то, что, возможно, она сама ошибалась в жизни, полагая, что подавляющее большинство французов были сторонниками Наполеона Бонапарта. Поэтому события в Дижоне для нее оказались шоком. Оказывается, была и другая Франция, настроенная против Наполеона. Но она не изменила своим принципам и продолжала поощрять общение своего младшего сына с ребятами с улицы. Как в Экс-ле-Бен, так и в Констанце он увлеченно играл с ними, и взрослые при этом не делали каких-либо различий в социальном статусе детей. Однажды, убежав на улицу от своего учителя, аббата Бертрана (увы, весьма лениво подходил Луи к обучению), он встретил мальчиков, которые просили милостыню. Поскольку у него не было карманных денег, он не раздумывая подарил им свой пиджак и башмаки и босиком, в одной рубашке вернулся домой¹⁷⁴.

Тем временем жизнь в Констанце вошла в спокойное русло. Гортензия и все окружавшие почувствовали себя гораздо увереннее. Они прекрасно осознавали, что их положение в Германии не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в это время во Франции. Газеты, приезжавшие знакомые из Франции и просто слухи доносили ужасные новости о казнях, преследованиях и насилии, творимых сторонниками королевской власти над побежденными бонапартистами и бывшими революционерами.

В июне 1816 года Гортензия вместе с Луи Наполеоном посетила Евгения Богарне в Баварии. Он проживал в живописном имении Штарнберг недалеко от Мюнхена. В отличие от многих других Бонапартов, Евгений жил достаточно спокойно, поскольку после первого отречения отчима в 1814 году отошел от политики и не принял участия в событиях «Ста дней». За это королевские власти Франции были полностью в ладу с бывшим вице-королем Италии. У

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 73. См. также: Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 47.

него также сохранились дружеские отношения с российским императором Александром I. В 1806 году Евгений женился на Августе Людовике Баварской, дочери баварского короля Максимилиана I. Причем и этот брак был отражением воли императора французов. Поэтому Евгений мог наслаждаться комфортной жизнью во владениях своего тестя. Эта встреча Гортензии с братом, после всех пережитых потрясений, была душевной и радостной. Луи Наполеон с удовольствием играл с детьми своего дяди и восторгался прекрасными видами озерно-лесной Баварии.

В сентябре 1816 года герцогиня Стефания де Богарне намерилась посетить Гортензию в Констанце. Этот приезд вызвал целую волну дипломатической переписки. Вначале французский посол в настойчивой форме напомнил о незаконном пребывании Гортензии в Констанце, а затем потребовал от баденских властей высылки бывшей королевы Голландии¹⁷⁵. Затем уже и Гортензия получила любезное письмо от всемогущего австрийского министра иностранных дел Меттерниха, в котором он сообщил, что если ей нравится жить на берегу Боденского озера, то Австрия будет приветствовать ее, сына и всех близких на австрийском берегу озера в городке Брегенц. Гортензия, как полагает Ридли, разгадала истинные намерения австрийского министра, кто хотел заманить ее и Луи Наполеона на свою территорию и более уже оттуда не выпускать. Австрия уже удерживала таким образом сына Наполеона I, римского короля, превратившегося просто в герцога Рейхштадтского¹⁷⁶. Теперь это была политика великих держав: не позволять членам семейства бывшего императора французов проживать в небольших суверенных государствах. Гораздо спокойней держать их на территориях, подконтрольных союзникам. Гортензия ответила тактичным, но отрицательным письмом¹⁷⁷.

Через несколько месяцев Гортензия и Кошеле поехали на несколько дней в Швейцарию. Проезжая через кантон Тургау, бывшая королева обратила внимание на прелестный дом, расположенный на превосходном высоком берегу Нижнего озера (один из водоемов Боденского озера). Невдалеке от дома расположились деревни, церкви и замки, утопавшие в зелени. С высокого берега открывался превосходный вид на Нижнее озеро и расположенный вдалеке остров Райхенау. В феврале 1817 года она приобрела имение Арененберг у Иоганна фон Штрэнга. В договор покупки бывшая королева предусмотрительно включила пункт, в соответствии с которым сделка не имела силы в том случае, если союзные державы не позволят ей жить в кантоне Тургау¹⁷⁸.

Одновременно с этим она распорядилась начать работы по внешней и внутренней перестройке здания и созданию парковой зоны. Перестройка осуществлялась на манер интерьеров, какие были приняты в домах в Париже и загородных резиденциях времен Первой империи. В дальнейшем этот стиль получил общее название – имперский ампи́р. Со временем Гортензии удалось со вкусом обустроить этот дом, и он начал напоминать живой осколок наполеоновской Франции. По мере дальнейшего развития событий он все больше и больше напоминал центр великосветской жизни и бонапартизма.

Одновременно с совершением этой сделки Гортензия обратилась к брату с просьбой помочь ей приобрести еще какое-нибудь подходящее жилье в Баварии. Она также написала письмо царю Александру I с просьбой разрешить проживание в Баварии. Несмотря на то что вскоре она получила ответ из Министерства иностранных дел Российской империи, в котором ничего, по сути, не говорилось о ее просьбе, император употребил свое влияние, и вопрос был решен положительно¹⁷⁹. Рассмотрев разные варианты, она предпочла купить дом в Аугсбурге.

¹⁷⁵ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 48.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 50.

¹⁷⁹ Там же.

* * *

Как мы видим, на широкую ногу жила Гортензия в изгнании, поэтому будет не лишним сказать несколько слов о материальном положении семейства Бонапартов.

Как-то мадам Летиция еще во времена правления ее сына, Наполеона I, сказала, что не верит во всех семейных королей и принцев и наступит день, когда они придут к матери за куском хлеба. В чем-то она оказалась права, а в чем-то и нет. В жизни клана Бонапартов наступила черная полоса. Они были изгнаны из Франции и ограничены на территории королевства в своих имущественных правах. Для многих это обернулось бы катастрофой, которая не позволила бы спокойно жить дальше, но это не про них. Большинство членов семейства Бонапартов в материальном плане продолжали чувствовать себя неплохо и после падения Первой империи. В практичности и изворотливости им точно не откажешь. Они лишились своих корон, но не доходов и комфортной жизни. Пример Гортензии показателен.

Она могла позволить себе и своим близким спокойно переезжать с одного места на другое, снимать достойное жилье, покупать недвижимость, перестраивать и обустраивать ее, покупать лошадей и картины, нанимать прислугу, преподавателей для детей, регулярно собирать гостей из высшего общества, путешествовать и многое другое. Британский историк Ридли по этому поводу говорит следующее: «С учетом всех невзгод, Гортензия в одном отношении была удачлива: она была чрезвычайно богата. Это было важнейшее обстоятельство в жизни ее семьи... Даже после того, как она потеряла пенсион по решению правительства Людовика XVIII, дом на улице Серюгги и поместье Сен-Лё, у нее еще было состояние Жозефины почти на 4 миллиона франков, большая часть которого состояла из собственности за пределами Франции, главным образом в Италии. Ее доход составлял около 70 000 франков в год – 275 000 фунтов без налогов по сегодняшним ценам (по состоянию на конец 1970-х годов XX века, на момент написания Ридли биографии Наполеона III. – *Прим. авт.*). У нее также было много драгоценностей, какие подарил ей Наполеон I, и время от времени она продавала алмаз или другую реликвию, когда срочно нуждалась в деньгах. И она, и Луи иногда жаловались на финансовые трудности и придерживались строгой экономии, но это никогда не было чем-то большим, чем временная нехватка наличных денег, и при этом они всегда могли заимствовать деньги под гарантию своих активов»¹⁸⁰.

«Подавляющую часть состояния Гортензии, – пишет Бреслер, – составляло наследство Жозефины, которое было, в основном, в виде собственности за пределами Франции, и в ежегодном исчислении составляло около 400 000 фунтов без налогов по сегодняшним ценам (по состоянию на конец 1990-х годов XX века, на момент написания Бреслером биографии Наполеона III. – *Прим. авт.*). У нее также было много ценных украшений.

Ее богатство, впрочем, никогда не мешало ей или Луи периодически жаловаться на перерасход и вводить режим временной, но решительной экономии»¹⁸¹.

В свою очередь, Стэктон добавляет, что «царь Александр ее простил и купил большую часть коллекции картин Мальмезона за хорошие деньги, а она продала столовое золото и серебро», а в Констанце ее брат, Евгений, «приехавший ее навестить, договорился, чтобы ей открыли кредитный счет во франкфуртском отделении Дома Ротшильдов под залог ее драгоценностей»¹⁸². Стэктон полагает, что в начале осени 1815 года Луиза Кошеле и аббат Бертран

¹⁸⁰ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie*. The Viking Press. New York, 1980. P. 48.

¹⁸¹ Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life*. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 74.

¹⁸² Стэктон Д. Бонапарты: от императора до наших дней. М.: Захаров, 2012. С. 182.

привезли Гортензии в Экс-ле-Бен значительные суммы денег и драгоценности, которые бывшая голландская королева не успела захватить из Парижа¹⁸³.

Супруг Гортензии Луи, как мы уже говорили, прибыльно избавился от собственности во Франции. Так, особняк в Париже он продал банкиру Торлония за 535 000 франков. По договоренности, банкир продолжал ссужать его деньгами, а после перепродажи имущества выплачивал ему разницу между покупкой и последующей продажей¹⁸⁴. Луи купил недвижимость в Риме и Флоренции и особо себе ни в чем не отказывал.

Да и сама мадам Летиция, которая стала главой семейного клана, не особо была стеснена в средствах. В 1818 году она приобрела палаццо Ринуччини на площади Венеции в Риме и «жила на широкую ногу, окруженная бесчисленной челядью, включая камергера, и всегда выезжала в карете, дверцы которой украшал герб, подаренный ей сыном»¹⁸⁵.

* * *

6 мая 1817 года бывшая королева с сыном и домочадцами покинула Констанц и направилась в Аугсбург. Через несколько месяцев они уже из Аугсбурга переехали в Арненберг. Был заведен следующий график проживания: теплое время года – в Арненберге, а в холодную и ненастную пору – в Аугсбурге¹⁸⁶.

Великие державы не возражали против их проживания в Арненберге, хотя британский посол в Швейцарии Стратфорд Каннинг доложил лорду Каслри, что это место нежелательно для проживания Гортензии, поскольку секретному агенту было бы очень сложно продолжать наблюдение за домом, не раскрывая себя¹⁸⁷.

В октябре 1817 года опять напомнил о себе Луи Бонапарт. Он прислал Гортензии Наполеона Луи и хотел, чтобы она направила Луи Наполеона к нему в Италию. Мать была рада видеть старшего сына, но расставаться с младшим у нее не было никакого желания. Чтобы выйти из этой затруднительной ситуации, она с обоими сыновьями летом 1818 года поехала в Италию, где в Ливорно встретила с супругом. Там, как пишет Ридли, Луи убедил мальчиков встать на колени перед матерью и просить ее вернуться к нему и жить всем вместе. Поведение мужа и использование сыновей в таких целях возмутило Гортензию, и она решительно отказалась жить с мужем и дать ему развод. В конечном итоге бывшая королева вместе с Луи Наполеоном уехала обратно в Швейцарию¹⁸⁸.

Осенью 1818 года произошло важное событие в жизни Луи Наполеона. Его учителем стал двадцатипятилетний Филипп Леба. По мере того как жизнь входила в спокойное русло, Гортензия уделяла все больше внимания образованию сына. Она непосредственно обучала его рисованию, танцам и хорошим манерам. В конечном итоге Луи Наполеон научился хорошо танцевать и рисовать. Хорошие манеры также стали отличительной чертой молодого человека. Хотя с рождения Луи Наполеон был недостаточно развит физически и имел хрупкое телосложение, он впоследствии усердно занимался верховой ездой и плаванием и со временем стал превосходным пловцом, а его физические кондиции развились в полной мере.

Однако Гортензия была недовольна успехами в изучении французской и латинской грамматики, математики и других предметов. Она пришла к выводу, что аббат Бертран недоста-

¹⁸³ Там же. С. 181.

¹⁸⁴ Там же. С. 180.

¹⁸⁵ *Сьюард Д.* Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1998. С. 365–366.

¹⁸⁶ *Pierre Milza. Napoléon III. Perrin. Paris, 2007. P. 36.*

¹⁸⁷ *Jasper Ridley. Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 50.*

¹⁸⁸ Там же.

точно усердно занимается сыном¹⁸⁹, поэтому по совету друзей обратила внимание на умного и строгого молодого учителя – Филиппа Леба.

Филипп Леба был сыном одного из известнейших деятелей Великой французской революции Филиппа Франсуа Жозефа Леба. Леба-старший был членом Национального конвента (голосовал за казнь короля Людовика XVI) и Комитета общественной безопасности, находился в близких отношениях с Максимилианом Робеспьером и отличался радикальными взглядами. После термидорианского переворота был арестован и в заключении покончил жизнь самоубийством, не желая попасть под нож гильотины¹⁹⁰. Его жена, Элизабет Леба, с пятимесячным сыном была также арестована и несколько месяцев содержалась в печально знаменитой тюрьме *Conciergerie*. После того как в конце 1794 года их освободили, Леба была вынуждена работать прачкой, чтобы прокормить малыша. Филипп выжил и через всю жизнь пронес любовь к своему отцу и Робеспьеру. Он был убежденным республиканцем.

Филипп Леба ненавидел приверженцев термидорианского режима и богатых. Он не был сторонником Наполеона Бонапарта, но Бурбонов не любил еще больше. В юношеском возрасте он ушел в армию и принимал участие в кампаниях 1813 и 1814 годов. В это время у него случилось личное горе. Незадолго до этого он женился на молодой женщине, но их ребенок умер вскоре после рождения¹⁹¹. Леба был любознательным человеком и много читал, поэтому он начал зарабатывать себе на жизнь, давая уроки. Все, кто нанимал Леба для обучения своих детей, лестно отзывались о нем.

Леба приехал в Арненберг в июне 1820 года. Обстоятельно переговорив с матерью и получив разрешение на работу с мальчиком, он взялся за его обучение. Через несколько недель учитель был поражен тем обстоятельством, что Луи, которому уже шел двенадцатый год, по уровню интеллектуального развития и знаний находился на уровне семилетнего ребенка¹⁹². Он не мог правильно изъясняться по-французски; почти не знал латинской грамматики; его познания в арифметике были ужасны; ему потребовалось полчаса, чтобы объяснить, что это за глагол, потому что ему было затруднительно объяснить даже те вещи, которые он действительно понимал. Леба пришел к выводу, что отсталость в развитии ребенка была следствием того, что у него нет строгой дисциплины и прилежания к ежедневному тяжелому труду. Луи Наполеон был типичным избалованным ребенком из высшего общества. Хлебнув многого в жизни, Леба не испытывал робости перед представителями императорской семьи и смело взялся за дело.

Прежде всего учитель ввел строгий распорядок дня¹⁹³: 6 утра – подъем, с 6 до 7 – прогулка (в том числе по горам), с 7 до 10 – занятия (французская и латинская грамматика), в 10.30 – завтрак, с 11.30 – уроки по арифметике, немецкому и греческому языкам, с 15.00 до 16.00 – занятия плаванием, с 16.00 до 18.00 – занятия по истории, географии, в 18.00 – ужин и прогулка, с 20.00 до 21.00 – повторение пройденного за день, и в 21.00 Луи шел спать, падая от усталости. После вольницы, какая была у Луи при аббате Бертроне, жизнь с новым учителем стала непривычной и тяжелой. Леба был строг, но справедлив, не позволял лениться и заставлял много работать. Занятия занимали в день до девяти с половиной часов.

¹⁸⁹ Там же. P. 50–51.

¹⁹⁰ Eric Anceau. *Napoléon III. Editions Tallandier. Paris, 2012. P. 39.*

¹⁹¹ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 51.*

¹⁹² Там же. P. 52.

¹⁹³ Jasper Ridley. *Napoleon III and Eugénie. The Viking Press. New York, 1980. P. 52.* См. также: Fenton Bresler. *Napoleon III: A Life. Carroll & Graf Publishers, Inc. New York, 1999. P. 78.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.